
Современная фантастика
Гордон Диксон
Дух Дорсая

Потерянный
Гордон Диксон

Аннотация
Гордон Диксон. Потерянный
* * *

Аннотация

Воины Дорсая — офицеры и солдаты, мужчины и женщины, старики и дети, — сражаясь за свою независимость, противостоят захватчикам-землянам. Ум, сила и отвага — против подлости и коварства. Кровопролитные сряжекия на планетах и в космосе, опасные операциии космические десанты — таков удел обитателей Дорсая, планеты космических героев, известной всей Галактике.

Этот том знаменитого военно-фантастического цикла Гордона Р.Диксона «Дорсай», вошедший в сокровищницу мировой фантастики, включает короткие романы «Аманда Морган», «Братья», «Потерянный» и «Воин».

Гордон Диксон
Потерянный

* * *

Меня зовут Корунна Эль Ман.

Это я привел легкий курьерский корабль на взлетное поле космопорта Нахар-Сити планеты Сета в созвездии Тау-Кита. Я стартовал на Дорсай и через шесть фазовых сдвигов доставил в цитадель Гебель-Нахар нашу Аманду Морган — ту, которую все звали Аманда Вторая.

Для пилота простого «курьера» мой воинский чин достаточно высок, но обстоятельства потребовали доставить эксперта по контрактам в Нахар за столь короткое время, что обычный перелет превращался в предприятие весьма опасное. Курьерские звездолеты слишком дорого стоили, чтобы с легким сердцем подвергать их неоправданному риску. Ко мне обратились за помощью, и я выполнил задачу, посадил корабль в Нахар-Сити, для чего потребовалось лишь выше пределов возможного «растянуть» время фазовых сдвигов.

Трудности путешествия, кажется, не слишком волновали Аманду. Но удивило меня не это (ведь моя попутчица была дорсайкой), а то, что почти

весь перелет Аманда молчала.

Многое изменилось во мне после Баунпора. Когда орды северных фрайляндцев ворвались в город и по колено в крови добивали его защитников, в животной ярости за столь упорное сопротивление мне рассекли лицо. И еще фрайляндцы убили Элизу — лишь потому, что она была моей женой. Ничего не осталось от любимой, лишь легкое газовое облачко, исчезнувшее в просторах Вселенной. Нет могилы, куда можно прийти и помянуть... Я отказался от помощи хирурга, я носил свои шрамы как воспоминание о ней...

Стоило рубцам изменить мое лицо, как переменилось отношение ко мне окружающих меня людей. Для немногих я словно перестал существовать, а для остальных — и их было большинство — стал человеком, с которым стремятся поделиться самым сокровенным — мыслями, надеждами, сомнениями — и тем облегчить свою душу.

Возможно, им казалось, что испытавший столько боли и живущий со скорбной памятью не станет строго судить о болях и скорби, терзающей других. Прошло время и я понял, что все гораздо сложнее.

Словно догорающая свеча, в потемках их душ

я не мог рассеять мрак, но вселял уверенность, что сохраню их сокровенные тайны. Сомневаюсь, что Аманда и все те, с кем мы добирались до Гебель-Нахара, были бы так откровенны со мной, если бы судьба свела нас в те дни, когда я еще не потерял Элизу...

Мы благополучно приземлились. Космопорт, способный принимать корабли из дальнего космоса, был построен в Нахар-Сити. Этот город ближе всего расположен к резиденции правительства — Гебель-Нахар, укрепленной крепости в горах.

Покинув звездолет, мы поспешили к выходу со взлетного поля, предполагая, что нас там ждут.

Колония Нахар лежит в тропических широтах Сеты, и таким же веселым и беззаботным, словно соревнуясь с богатством красок природы, показался нам небольшой корпус космопорта с его высокими расписными потолками, яркой мозаикой пола, живыми цветами и развешенными по стенам в обрамлении тяжелых рам картинами.

Мы стояли, окруженные этим разноцветным великолепием, среди движущихся дорожек эскалаторов. Взгляды людей, не останавливаясь, безучастно скользили по нашим лицам, хотя казалось, трудно остаться равнодушным к че-

ловеку со шрамами, да еще если рядом с ним такая женщина — женщина, словно сошедшая со страниц исторических книг Дорсая, настолько лицо ее, до мельчайших черт, напоминало лицо той, первой Аманды.

Ждать более не имело смысла, я отправился к экрану объявлений и, не найдя ничего, адресованного нам, вернулся, но уже не застал Аманду на прежнем месте.

— Эль Ман, — неожиданно раздался ее голос за моей спиной. — Смотри.

Восклицание это заставило меня резко повернуться, и в то же мгновение я увидел все сразу — и ее, и привлекшее ее внимание большое полотно. Картина висела высоко, и Аманда, слегка запрокинув голову, замерла прямо под ней.

Солнечный свет, проходя сквозь прозрачную стену, освещал их. Аманда очень походила на Элизу высокая, тонкая, светловолосая, в жакете небесно-голубого цвета и короткой кремовой юбке. И как контрастировали с ее невероятно живым и юным лицом кричащие золотом и пурпуром краски, а также застывшие в мелодраматически-скорбных позах люди на полотне.

«Leto de muerte» — гласила большая бронзовая табличка под картиной. «Герой на смертном

одре» — так, пожалуй, можно было перевести название полотна с того архаичного ломаного испанского, на котором изъяснялись нахарцы.

Бескрайняя равнина, где еще недавно бушевала яростная битва.

Оставшиеся в живых, окровавленные воины в золоченых доспехах окружили мертвого Героя, чье обнаженное до пояса, бугрящееся мускулами, все еще мощное, но со следами страшных ран тело возлежит на кипах бархатных камзолов, на горах украшенного драгоценными камнями оружия, искусно вытканных коврах и россыпи золотых кубков. Его лицо искажено предсмертными муками. Безжизненная, покоящаяся на груди рука продолжает упрямо сжимать рукоять чудовищно огромного меча, узорное лезвие которого потемнело от запекшейся крови. На переднем плане картины распростертый на земле солдат в растерзанном камзоле протягивает руку к Герою, отдавая последние почести мертвому.

Лишь на мгновение оторвалась от картины, чтобы взглянуть на меня, Аманда. Она молчала, но не нужны были здесь слова. Мы, дорсайцы, почти две сотни лет торгуем нашей единственной собственностью — жизнями молодых поколений, умирающих в войнах за чужие интересы, чтобы

добыть средства к существованию. Мы живем войной настоящей, и для тех, кто выбрал себе такую судьбу, картины, подобные этой, полны цинизма.

— Вот, значит, как здесь думают, — нарушила молчание Аманда.

И тогда я перевел взгляд с картины на нее. Наравне с удивительным сходством, Аманда унаследовала от своей прародительницы невероятную, граничащую с чудом моложавость. Годы, казалось, не властны над ней, хотя Аманда Вторая всего на шесть лет моложе меня, человека, который уже давно перешагнул тридцатилетний рубеж. Но я забыл о ее возрасте, пораженный, что спутница моя мыслит так, как мои ровесники, а не как следовало ожидать от подростка, на которого она была похожа.

— Каждая культура вольна иметь свои образы, — сказал я. — А эта, между прочим, в основе своей — испанская.

— Как я понимаю, сейчас и десять процентов нахарцев не имеют испанских корней, — ответила Аманда. — А картина эта — не более чем карикатура на испанцев.

Она была права. Нахар в первые годы своего существования колонизировали гальеги — вы-

ходцы из северо-западной области Испании, мечтавшие о создании больших латифундий на обширных территориях. В действительности же, стиснутый со всех сторон богатыми соседями, Нахар превратился в маленькую перенаселенную страну, получившую в наследство ущербный испанский да еще смесь из верований и традиций, составлявших культуру предков. Те, кто прибыл сюда вслед за первой волной переселенцев, были кем угодно, но только не испанцами, и тем не менее тоже приняли существовавшие здесь язык и жизненный уклад.

Сета — планета хотя и не очень населенная, всегда страдала от нехватки продовольствия, и ранчеры — первые переселенцы — в скором времени превратились в сказочных богачей. Ну а остальным жителям Нахара досталась теснота городов и право быть бедными — очень бедными.

— Надеюсь, что те, с кем мне предстоит общаться, сохранили несколько больше чем десять процентов здравого смысла, — снова заговорила Аманда. — Эта картина заставляет думать, что им совершенно чужда игра воображения.. Если это так, то в Гебель-Нахаре...

Она не закончила фразы, встряхнула головой, видно, решительно изгоняя из памяти образы,

навеянные картиной, и улыбнулась. Улыбка осветила ее лицо, но получилось это совсем не так, как привыкли мы все представлять, произнося эту фразу. Не выразить словами глубину и силу того внутреннего, излучаемого ее улыбкой света.

— Никаких известий для нас? — спросила она.

— Нет, — начал я и, не закончив, быстро повернул голову, краем глаза увидев, как некто, широко переставляя длинные ноги, движется в нашу сторону.

Она тоже повернулась. Наш незнакомец привлек внимание лишь потому, что оказался дорсайцем. Он был огромен. Не так огромен, как близнецы Гримы — Ян и Кейси, по контракту служившие в Гебель-Нахаре, но заметно крупнее меня. Однако рост и ширина плеч не всегда являются отличительными чертами дорсайцев — все мы очень разные. Мы узнали его, а он выделил нас в снующей вокруг толпе по множеству мельчайших неуловимых, а потому не поддающихся описанию оттенков. На незнакомце была военная форма нахарской армии с унтер-офицерскими нашивками. Светловолосый, с худощавым подвижным лицом юноша, которому лишь недавно исполнилось двадцать. И тут я узнал его...

К нам приближался третий сын моих соседей

по кантону Большой остров, Мигель де Сандовал. О его судьбе мы не слышали вот уже шесть лет.

— Сэр, госпожа, — произнес он, застывая рядом. — Прошу извинить, что заставил вас ждать. Непредвиденные трудности с транспортом.

— Мигель, — сказал я. — Ты знаком с Амандой Морган?

— Нет, мы не встречались, — ответил он, глядя в лицо Аманды. — Сочту за высокую честь быть представленным вам, госпожа. Мне кажется, вы, должно быть, устали от тех, кто считает своим долгом сообщить вам об удивительном сходстве с прабабушкой?

— Вовсе нет, — весело отозвалась Аманда, протягивая ему руку. — А вы оказывается уже знакомы с Корунной Эль Маном?

— Наши семьи живут рядом. — Он улыбнулся мне быстрой, легкой, но какой-то очень грустной улыбкой. — Я помню капитана с шести лет, именно столько исполнилось мне, когда вы приехали в свой первый отпуск. Пойдемте, ваш багаж уже в аэробусе.

— В аэробусе? — удивленно переспросил я, двигаясь вслед за ним к одному из выходов.

— Транспортное средство оркестра Третьего полка. Это все, что мне удалось раздобыть.

Следуя за нашим провожатым, мы вскоре дошли до маленькой, забитой всевозможным транспортом стоянки. Мигель де Сандовал подвел нас к приземистому, с обрубленным носом летательному аппарату, судя по размерам, способному принять на борт до тридцати человек. Правда, сейчас в нем находился лишь один пассажир. На переднем сиденье аэробуса, откинувшись на переборку, отделяющую салон от кабины пилота, сидел экзот в темно-голубой одежде. У него были светлые прямые волосы и лицо человека без возраста, которому вполне можно дать и тридцать и все восемьдесят. Увидев нас, он поднялся.

— Падма, Посланник на Сете, — произнес Мигель. — Могу ли я представить господину Посланнику наших гостей с Дорсая: Аманду Морган — советника по контрактам и Корунну Эль Мана — старшего звездолетчика?

— О, я знаю об их прибытии, — ответил Падма. Он не подал нам руки и даже не поднял ее в знак приветствия. Но как и те просвещенные экзоты, с которыми судьба сводила меня на долгих дорогах странствий, Падма скорее не испытывал в этом необходимости. От него веяло миром и теплом, и всех нас захлестнуло это чувство. Как бы ни повел

себя теперь экзот, все казалось естественным и единственно возможным.

Мы опустились на сиденья. Мигель, пригибая голову, нырнул в кабину пилота, и уже через минуту, мягко подрагивая всем корпусом, аэробус взлетел в воздух.

— Это большая честь познакомиться с вами, — первой заговорила Аманда. — Но гораздо большая честь — то, что вы встретили нас. Что заставило вас проявить внимание?

Падма слегка улыбнулся.

— Боюсь, что не только желание первым увидеть вас привело меня сюда, — произнес он. — Хотя Кейси Грим много рассказывал о советнике и, — он повернулся в мою сторону, — даже о Корунне Эль Мане.

— Разве существует во Вселенной то, что не известно экзотам? — удивился я.

— Многое не подвластно нам, — задумчиво произнес он, покачивая головой.

— Какова тогда та, другая причина, приведшая вас сюда? — поинтересовалась Аманда. Экзот задумчиво посмотрел на нее.

— Нечто, что не имеет отношения к вашему прибытию... Простой звонок, а аппараты в Гебель-Нахаре не так защищены, как бы мне хотелось.

И когда я узнал, что Мигель будет встречать вас, то напросился к нему в попутчики, чтобы позвонить из космопорта.

— Тогда это был звонок не от имени Конде Нахара? — спросил я.

— От его имени, — он улыбнулся, — или только от моего, я не могу вам открыться, не нарушив договора о доверии, но, надо полагать, вам известен Эль Конде — этот номинальный правитель Нахара?

— Из профессионального любопытства я знакомилась с государственным устройством колонии и читала о Гебель-Нахаре еще до того, как возникла необходимость моего появления здесь, — ответила Аманда.

И тут я увидел, что она хочет остаться с Падмой наедине. Аманда дала мне это понять, слегка повернув голову и еле заметно выпрямив спину. Экзоты наблюдательны, но вряд ли ему открылся смысл тайных знаков.

— Прошу извинить, — произнес я, вставая. — Так давно не видел Мигеля, что не терпится поделиться нашими домашними новостями. — После этих слов осталось лишь пройти в кабину пилота и плотно закрыть за собой дверь.

Расслабленно откинув голову на спинку ко-

мандирского кресла, одной рукой придерживал Мигель штурвал аэробуса; я занял место второго пилота.

— Как дела дома, сэр? — спросил он, не поворачивая головы.

— С тех пор как ты оставил отчий дом, я и сам был на планете всего однажды, — сказал я. — Но с тех пор мало что изменилось. В прошлом году умер мой отец.

— Мне грустно слышать эту печальную весть.

— Твой отец и мать здоровы. И еще только хорошее слышал я о твоих братьях и их делах на далеких звездах. Но думаю, что ты и сам об этом знаешь.

— Нет, — тихо произнес он, так и не оторвав взгляда от неба. — Долгое время я ничего не слышал об их судьбе.

Гнетущая тишина окутала нас.

— Как вышло, что ты оказался здесь? — прервал я затянувшееся молчание. Традиционный вопрос, когда дорсайцы встречаются вдали от дома.

— Случайно услышал о Нахаре. Решил взглянуть на него поближе.

— Ты знал, что эта страна — жалкая карикатура на Испанию?

— Не карикатура, — ответил Мигель. — Вер-

нее... не совсем.

— Да, — согласился я. — Пожалуй, мне не следовало употреблять слово «карикатура». Образ жизни здесь — как и везде, — без сомнения, связан с древними корнями народа.

И тут он впервые встретился со мною взглядом. С тех пор как не стало Элизы, я научился понимать эти странные взгляды. Сейчас Мигель намеревался поведать мне такое, что никогда бы не решился открыть другому. Медленно текли секунды, юноша молчал, а потом вновь отвернулся к ветровому стеклу.

— Вы знаете, что здесь происходит? — спросил он.

— Нет. Это в основном забота Аманды. В этой прогулке я всего лишь извозчик. Может быть, ты посвятишь меня?

— Пожалуй, вам действительно будет полезно иметь некоторое представление о наших делах, — согласился Мигель. — А Ян и Кейси доскажут остальное. Но в любом случае... Конде лишь «лицо» страны. Отцу его пожаловали титул первые переселенцы, ставшие все без исключения богатыми землевладельцами — ранчерами. Они мечтали установить здесь институт наследственной аристократии, но сделать этого не

удалось, хотя по местным законам Конде — наследственный суверен Нахара, и армия должна подчиняться ему как главнокомандующему. Нахарские солдаты — всегда самая бедная часть населения; они ненавидят ранчеров. Нахар стоит на пороге революции, а армия так и не решила, чью сторону она примет.

— Понятно, — вставил я, когда Мигель замолчал. — Грядет насильственная смена власти, а мы заключили контракты с правительством, которое уже завтра могут свергнуть. Аманде есть о чем подумать.

— Нам всем есть о чем подумать, — поправил Мигель. — В армии нет согласия, и это единственная причина, по которой она еще не встала на сторону революции. Ты человек здесь новый и первое, что бросится тебе в глаза, — это нелепость здешних армейских традиций. Но что самое необъяснимое: традиции эти процветают в среде людей вовсе не богатых. Культ знамен, формы... музыка, дуэли за один только косо брошенный взгляд, болезненное чувство превосходства именно твоего полка и готовность по бездумному сигналу вцепиться в горло «чужакам» из другого...

— Постой, — удивленно произнес я. — Армия,

о которой ты говоришь, просто не может называться армией.

— Правильно. Вот почему с Кейси и Яном заключен контракт для превращения всего этого разномастного сброда под громким названием «нахарская армия» в некое подобие реальной оборонительной силы. Государства, окружающие Нахар, изнемогают от нетерпения поскорее прибрать к своим рукам эти земли. Будь ситуация нормальной, Гримы уже давно добились бы успеха. Но все осложняется тем, что простые солдаты видят в братьях не что иное, как «инструмент» упрочения власти ранчеров; революционеры на всех углах призывают немедленно вышвырнуть дорсайцев из страны, а полковые командиры не могут или не хотят найти с Гримами общий язык. Сомневаюсь, что в подобной ситуации можно сделать для армии что-нибудь полезное. Напротив, с каждым днем положение братьев, а теперь и ваше с Амандой, будет становиться все более непредсказуемым и угрожающим. Реальный выход, по моему убеждению, один: Кейси и Ян поступят мудро, если разорвут контракт, оплатят издержки и покинут страну и планету.

— Если бы все ограничивалось возмещением убытков по расторгнутому контракту, то здесь

бы никогда не оказался профессионал, подобный Аманде, — заметил я. — Тут, возможно, все запутаннее и сложнее, чем может показаться на первый взгляд, а прежде всего потому, что конфликт может затронуть честь Дорсая.

Мигель промолчал.

— А как ты? Каково твое положение здесь? Ты ведь тоже дорсаец?

— Я?.. — прошептал он, не отрывая взгляда от ветрового стекла. И, глядя на его потемневшее лицо, я отчетливо понял, что осталось недосказанным между нами. Для таких людей, как Мигель, на родной планете существует меткое определение: их называют «потерянными». К ним не относятся те, кто не стал профессиональным военным. Так называют тех, кто, выбрав для себя жизненный путь, вдруг бросал все — неожиданно и без объяснений. Насколько я знаю, Мигель, с отличием закончивший Академию, после выпуска неожиданно для всех вычеркнул свою фамилию из списка назначений и, ничего не объяснив даже своим родным, оставил планету.

— Я капельмейстер Третьего нахарского полка, — сказал он. — Однополчане меня любят. Наверное потому, что не видят во мне дорсайца, хотя... — Он снова улыбнулся своей грустной

легкой улыбкой:

— ...хотя на дуэли не вызывают.

— Понятно.

— Да-а. — Мигель коротко взглянул на меня. — Если формально считается, что армия верна Конде, то на самом деле везде царит разброд. Вот почему с таким трудом мне удалось раздобыть это средство передвижения.

— Понятно, — снова повторил я и приготовился задать новый вопрос, как дверь позади нас открылась и в кабину шагнула Аманда.

— Корунна, — обратилась она ко мне, — ничего, если я немного поболтаю с молодым человеком?

Взгляд ее, скользнув по моему лицу, задержался на Мигеле. Аманда улыбалась, и он улыбался ей в ответ. А я, глядя на них, думал, что Мигель в таком душевном состоянии вряд ли сможет увлечься Амандой. Но то, что она была рядом, будило воспоминания о доме, а значит, согревало душу.

— Не возражаю, — сказал я, вставая. — Пойду поговорю с Посланником.

— Он стоит того. — Слова Аманды догнали меня в дверях кабины.

Падма смотрел в окно на однообразную в своей бескрайности степную равнину, тянущуюся до горного кряжа, давшего имя Гебель-Нахару. Аэро-

бус, по конструкции своей предназначенный для полетов над землей, хотя и допускал возможность подъема к границам атмосферной зоны, сейчас летел на высоте не более трехсот метров.

Стоило с легким щелчком захлопнуться за мной двери пилотской кабины, как Падма отвернулся от окна и взглянул на меня.

— Ваша Аманда просто восхитительна, — произнес он, стоило мне занять сиденье напротив. — Особенно это должны понимать те, кто молод.

— Аманда то же самое сказала о вас. Да, кстати, она не так молода, как выглядит.

— Я знаю, — Падма улыбнулся, — и говорю так с высоты прожитых мною лет. Для меня даже ты кажешься юношей.

Я рассмеялся. Молодость моя осталась лишь в воспоминаниях о тех счастливых годах, что оборвались страшным именем — Баунпор... Хотя с полным правом можно утверждать, что я не достиг даже зрелого возраста.

— Мигель говорил, что Нахар стоит на пороге социальных потрясений, — начал я.

— Он прав. — Улыбка медленно покинула лицо экзота.

— Не это ли привело такого человека, как вы, в Гебель-Нахар?

Лицо Падмы оставалось серьезным, а в глазах мелькнула усмешка.

— А я думал, только Аманда способна на подобные вопросы...

— Вы удивлены моим вопросом? Извините, но все же кажется странным, что Посланник выбрал для своей резиденции такую глухую провинцию, как Гебель-Нахар.

— Ты прав. — Падма покачал головой. — Но причины, приведшие меня сюда, интересны прежде всего экзотам. Боюсь, я не вправе обсуждать их.

— Но вы ведь видите, что страна неумолимо движется к революционному взрыву?

— О, конечно. — В его осанке, в положении рук, темным загорелым пятном выделявшихся на голубом, чувствовался удивительный внутренний покой. Таким же бесстрастным было и его лицо. — События в Нахаре есть отражения общих законов развития этого мира.

— Только этого мира?

Глядя мне прямо в глаза, Падма улыбался.

— Наука экзотов — онтогенгтика изучает закономерности во взаимодействии всех известных нам сил природы и общества, сталкивающихся в мирах Вселенной. Но ситуация, сложившаяся

в Нахаре, и в особенности в Гебель-Нахаре, без сомнения, результат столкновения местных, сетанских интересов:

— Международная планетарная политика...

— Именно так, — подтвердил он кивком головы. — Нахар окружен пятью государствами, не имеющими столь обширных свободных территорий. Соседи вряд ли откажутся от возможности установить над частью или даже над всей колонией свой контроль.

— А кто поддерживает местных революционеров?

Падма резко отвернулся к окну и несколько мгновений молча и сосредоточенно изучал проплывающий под нами ландшафт. Пожалуй, было бы большим нахальством предполагать, что моя своеобразная внешность, невольно подталкивающая людей к откровенности, сможет оказать подобное воздействие на экзота. Но сейчас, правда лишь на мгновение, я снова испытал то знакомое чувство готовности собеседника доверить мне глубоко сокровенное.

— Извини меня, — наконец нарушил молчание Падма. — Наверное, из-за возраста, но в последнее время я ловлю себя на мысли, что часто думаю об окружающих как о маленьких детях.

— Сколько же вам лет?

Он улыбнулся:

— Я стар... и продолжаю стареть.

— В любом случае я недостоин ваших извинений. Согласитесь, было бы нелепо ожидать, что пограничные страны не примут участия в революционных событиях, происходящих вблизи их рубежей.

— Разумеется, — подтвердил Падма. — Но как ни плохо сейчас в Нахаре, страну ждут страшные времена, если революция закончится успешно. Когда победители начнут борьбу за власть, страна превратится в груду дымящихся развалин. Соседи выжидают и готовятся к тому благоприятному моменту, когда можно будет начать вторжение и извлечь для себя максимум выгод. И ты был абсолютно прав, когда упомянул планетарный комитет. Политики работают, но слишком серьезные задачи стоят сейчас перед ними.

— Но тогда кто подогревает эту угрожающую ситуацию?

— Уильям. — Падма смотрел прямо мне в глаза, и, наверное, в первый раз за все время беседы я ощутил истинную силу гипнотизирующего взгляда его карих глаз. Настолько умиротворенно было его лицо, что казалось, именно глаза вме-

стили в себя всю его жизненную силу, и только по ним можно было догадаться, какие страсти бушевали в душе этого старого человека.

— Уильям? — переспросил я.

— Да, Уильям с Сеты.

— Все правильно. — Я вспомнил, что уже слышал это имя. — Если я не ошибаюсь, именно он владеет этой планетой?

— Наверное, не совсем будет правильно сказать — владеет. Он контролирует большую часть этой планеты, а также множество других миров. Но не все находится в его руках — даже здесь, на Сете. Вот тебе один пример: нахарские ранчеры в сделках с Уильямом, забывая внутренние распри, всегда выступают единым фронтом, и все его попытки внести в их ряды раскол и установить полный контроль над Нахаром до сей поры заканчивались неудачей. Его влияние здесь весьма ограниченно и существует лишь благодаря ловкому манипулированию внешними силами, с которыми приходится иметь дело ранчерам.

— Так значит, он — главный идеолог революции?

— Да.

Только теперь я понял, что именно происки Уильяма привели Падму в эту, некогда «тихую

обитель». Экзоты всегда преувеличенно серьезно относились к той части онтогенетики, которая занималась изучением взаимодействия социальных слоев общества и ее отдельных личностей; а Уильям, как один из современных «потрясателей устоев» с его махинациями и интригами, безусловно, попадал в сферу их самого пристального внимания.

— Все это понятно, но интересов Дорсая, если не считать сложностей с контрактом Гримов, происходящее, по большому счету, не затрагивает.

— Не совсем так, — возразил Падма. — Уильям — личность, безусловно, незаурядная — знает, как одним камнем подбить две, а при удачном стечении обстоятельств — пятьдесят птиц. Непосредственно сам или через своих доверенных лиц он собирает отряды «солдат удачи» — наемников. События в Нахаре могут подорвать репутацию военных с Дорсая.

— Понимаю... — начал я и замер на полуслове, потому что неожиданно корпус аэробуса задрожал, как от сильного удара.

— Вниз, быстро! — крикнул я и потащил Падму на пол, подальше от окна аэробуса. Тут проявилось еще одно замечательное качество экзотов: они безоговорочно доверяют профессионалам

— людям, знающим свою работу. Он послушно подчинился мне, не проронив ни единого слова.

— Что это было? — спросил он через некоторое время, все еще продолжая неподвижно лежать на том месте, куда я его пристроил.

— Нас пытались сбить, — коротко бросил я. — Пожалуйста, оставайтесь внизу.

Пригибаясь, я пробежал по проходу, открыл дверь пилотской кабины и переступил ее порог. Как по команде, головы Аманды и Мигеля повернулись в мою сторону, их лица были встревожены.

— Кто это охотится за нами? — спросил я Мигеля.

В ответ он лишь пожал плечами:

— Не знаю. Здесь, в Нахаре, ожидать можно чего угодно, а сделать это мог кто угодно. Революционер или тот, кто терпеть не может дорсайцев, экзотов, а возможно, и меня. Наконец, это мог быть пьяница, наркоман или «герой», показывающий свою молодецкую удаль.

— И при этом имеющий боевое оружие, — добавил я.

— Ну, это не проблема, — усмехнулся Мигель. — Сейчас трудно найти в Нахаре человека невооруженного, и большинство из них, законно

или не очень, владеют настоящим оружием.

Кивком головы Мигель показал на ветровое стекло.

— Во всяком случае, мы уже почти прибыли.

Я прижался лицом к стеклу иллюминатора. Гебель-Нахар — правительственная резиденция колонии, сверху выглядела как цепочка соединенных между собой строений, спускающихся до середины склона невысокой горы. В ярком солнечном свете он напоминал бы модный курорт, построенный на сбегающих вниз по крутому склону открытых террасах, если бы каждая терраса не упиралась в глухую стену, представлявшую собой мощное фортификационное сооружение, оснащенное тяжелой артиллерией. Имея хорошо обученный гарнизон, Гебель-Нахар, по крайней мере, был неприступен для атакующих с равнины.

— А что по ту сторону? — поинтересовался я.

— Отвесная скала с вырубленными площадками для тяжелых орудий. К орудиям ведут прорытые в горе туннели, — ответил Мигель. — На их строительство ранчеры не поскупились. Если действительно станет жарко, и они, и вся их родня сбегутся под защиту этих орудий.

Не успел он договорить, как наш аэробус мягко

заскользил по взлетной полосе. Оставив пилотскую кабину, мы присоединились к Падме и уже через несколько мгновений один за другим спустились на гладкий бетон.

— Совершенно не могу понять, что происходит, — озадаченно произнес Мигель, удивленный необычной тишиной, царившей вокруг.

Не двигаясь с места, мы настороженно озирались, готовые в случае опасности возвратиться в аэробус и немедля снова подняться в воздух.

Громкий крик заставил всех нас резко повернуться. За криком послышался топот ног, а еще через мгновение на взлетную полосу выбежал солдат в зелено-красной униформе нахарской армии с нашивками музыкантской команды и с болтающимся на боку энергоружьем. Добравшись до аэробуса, он остановился напротив нас, покачиваясь и с трудом переводя дух.

— Сэр... — Воздух со свистом вырывался из его натруженных легких. — Ушли...

Мы молча ждали, когда солдат восстановит дыхание, и действительно, через несколько секунд он предпринял новую попытку на архаичном испанском объяснить, какое чрезвычайное происшествие заставило его так бежать и так запыхаться.

— Они ушли, сэр! — выкрикнул солдат, обращаясь к Мигелю. — Они ушли, все полки, все до одного!

— Когда? — коротко бросил Мигель.

— Два часа назад. Они все решили... решили заранее. В одно и то же время, словно по команде, в каждом взводе появился свой агитатор и начал кричать, что настало время уйти и пробил час показать этим ricones, кого поддерживает армия. Тогда они схватили свои ружья, развернули знамена и пошли строем... Вот, смотрите!

Солдат махнул рукой в сторону равнины. Транспортная зона находилась между пятым и шестым уровнем вверх по склону Гебель-Нахара. Отсюда, да пожалуй, с любого другого уровня, лежащая внизу равнина прекрасно просматривалась на многие мили вперед.

Напряженно вглядываясь вдаль, мы у самого горизонта увидели слабые перемещающиеся блики отраженного солнечного света.

— Это они разбили там лагерь. Ожидают, что к ним придет подкрепление из соседних стран, и тогда они вернутся и закончат революцию.

— Все ушли? — Вопрос, заданный Мигелем по-испански, заставил солдата резко повернуться.

— Все, кроме нас — вашей команды. Теперь мы

лейб-гвардия Его Величества Конде.

— А где дорсайские инструктора?

— Были в своих кабинетах, сэр.

— Я немедленно отправляюсь туда, — обращаясь к нам, быстро проговорил Мигель. — Господин Посланник последует в свои апартаменты или присоединится к нам?

— Я пойду с вами, — сказал Падма.

Мы пересекли транспортную зону, вошли в служебный корпус и долго блуждали по бесконечным кабинетам с огромными, во всю наружную стену, окнами. Кейси и Яна мы обнаружили в одном из таких кабинетов. Братья Грим стояли у массивного письменного стола, за который при желании можно было усадить не менее полдюжины человек.

Они повернулись, и я ощутил, что снова нахожусь в плену странных иллюзий, испытываемых всякий раз, стоило близнецам оказаться рядом.

Эффект был достаточно силен при знакомстве с одним из братьев, но когда — как сейчас — их оказывалось двое, чувство это возрастало многократно.

Несмотря на их рост — а каждый был, пожалуй, на целую голову выше меня, — Гримы отличались настолько правильным сложением, что их

истинные пропорции не поражали и не казались выдающимися, пока не появлялся некто третий, с которым можно было сравнить. На расстоянии братья выглядели как люди, обладающие ростом чуть повыше среднего.

Далее происходило следующее: считая близнецов людьми обычными, то есть подсознательно недооценив их, вы или некто третий делали несколько шагов, и тут начиналось самое интересное, потому что с каждым новым шагом вы или он, или она прямо на глазах начинали расти вниз. Может быть, это субъективное восприятие, но согласитесь, уменьшаться в росте по отношению к другому — ощущение довольно необычное.

На этот раз роль этакого эталона выпала на долю Аманды, которая сразу же, как только мы переступили порог кабинета, бросилась к братьям. Ее родной дом — усадьба Фал Морган, совсем рядом с Форали, где жили близнецы, и все трое росли и воспитывались вместе. Я уже говорил, что Аманду никак нельзя назвать маленькой, но стоило ей оказаться рядом с Кейси, сжать его в объятиях, как на глазах она стала превращаться в хрупкую малышку. Я двинулся за ней и протянул руку Яну.

— Корунна! — воскликнул он. Ян принадлежал к числу тех немногих, кто продолжал называть меня по имени. Моя ладонь утонула в его крепкой ладони, а лицо его, так похожее и одновременно так разительно отличающееся от лица брата, склонилось надо мной. Да, они были удивительно похожи, эти два брата-близнеца, и одновременно пропасть различий, глубиной во вселенную, лежала между ними. Это относилось не к физической мощи братьев. Образно выражаясь, Ян был лишен внутреннего огня; и потому казалось, что от Кейси исходит в два раза больше тепла и солнечного света, чем от обычного человеческого существа.

Но несмотря на это, я нигде не встречал двух столь близких, дополняющих друг друга людей.

— Тебе нужно возвращаться, — спросил Ян, — или ты останешься, чтобы отвезти назад Аманду?

— Я могу остаться. Время моего отлета на Дорсай строго не определено. Могу ли я быть в чем-то полезен вам?

— Да, — просто ответил Ян. — Мне с тобой нужно поговорить. А сейчас извини...

Он повернулся, желая поздороваться с Амандой. Затем Ян попросил Мигеля, чтобы он встретился

с Конде и узнал, сможет ли тот принять их. Мигель почтительно склонил голову и, вместе со встретившим нас на взлетной полосе солдатом, поспешил к выходу. Наверное, команда Мигеля, несколько слуг Конде, он сам да еще обитатели этой комнаты — вот все, кто в этот час составлял население Гебель-Нахара. Хотя крепость строилась таким образом, что при необходимости ее могла защищать горстка воинов, но даже этой горстки не осталось здесь; ведь те сорок человек полкового оркестра, если не считать умения маршировать строем, вряд ли были обучены другим видам военного искусства.

Кейси остался беседовать с Амандой и Падмой, а Ян провел меня в соседний кабинет, жестом указал на кресло и сам сел напротив.

— Извини, но я не знаю условий твоего нынешнего контракта, — начал он.

— Что касается контракта, я не вижу здесь серьезных проблем. Служу я в соединении, которое нанял Уильям с Сеты. Мой командир — Хендрик Галт. Мы сейчас не участвуем в боевых операциях, и более половины старших офицеров находится в отпусках. Но если ситуация потребует моего присутствия, я могу задержаться, и Галт все поймет, как бы понял любой дорсаец. Я не

служу Уильяму, я офицер Галта.

— Хорошо, — произнес Ян. Он отвернулся и стал смотреть через высокую спинку своего кресла на равнину, туда, где, едва различимые, пробегали отблески солнечного света. Руки его расслабленно лежали на подлокотниках, и лишь кончики пальцев слегка подрагивали. От него исходило, как всегда, ощущение бесконечного одиночества и вместе с тем могучей, всепобеждающей силы. Я давно замечал, что в минуты надвигающейся опасности большинство недорсайцев инстинктивно тянутся к нам, ведь любой из нас заранее знает, как вести себя, чтобы опасность эта прошла стороной. Может быть, кое-кому мои слова покажутся капризной причудой, но даже многие из дорсайцев рядом с Яном испытывают подобные чувства.

Но, конечно, не все. Кейси, безусловно, не из их числа. И, насколько я знаю, другие члены семейства Гримов к таким не относятся. Вовсе не потому, что они чужды друг другу, просто каждый из них обладает обостренным чувством независимости и какой-то болезненной отстраненностью от других. Таковы они, Гримы.

— Два дня они, пожалуй, еще продержатся, — Ян махнул головой в сторону почти невидимого

лагеря. — А потом начнут штурмовать Гебель-Нахар или драться между собой.

— А если не ждать? — спросил я и почувствовал на своем лице его быстрый взгляд. — Всегда есть выход, — добавил я.

— Сейчас достойного выхода, насколько я понимаю, нет. — сказал он. — Наша единственная надежда — на Аманду; возможно, ей удастся раскопать в контракте такое, что мы все проглядели... Выпьешь?

— Спасибо.

И тогда он встал, твердыми шагами прошел к бару, вернулся с двумя стаканами, до половины наполненными темной жидкостью, и, протянув мне один, снова устроился в своем кресле.

— Дорсайское виски, — удивился я. — Да, вас тут не забывают.

Он молча кивнул, и мы выпили.

— Как ты считаешь, Аманда может за что-нибудь зацепиться? — поинтересовался я.

— Нет, надеяться можно только на чудо, — медленно ответил он. — Затронуты вопросы чести.

— Почему потребовался арбитр такого класса, как Аманда?

— Все дело в Уильяме. Кто он, объяснять, надеюсь, не нужно. А что тебе вообще известно о

ситуации в Нахаре?

И я повторил ему все, что узнал от Мигеля и Падмы.

— И больше ничего?

— У меня не было времени заниматься собственными расследованиями. Аманду требовалось доставить крайне срочно, поэтому во время перелета у меня по горло хватало своих дел.

— Уильям! — Ян со стуком поставил свой недопитый стакан на низкий столик у кресла. — В том, что мы оказались в подобном положении, гораздо больше моей вины, чем Кейси. При заключении контракта он решал тактические задачи, а стратегией должен был заниматься я. К сожалению, в данной ситуации я не видел дальше собственного носа.

— Если при обсуждении условий контракта нахарское правительство что-то скрыло от вас, есть полное основание для пересмотра соглашения или даже его разрыва.

— О, контракт спорный, с этим все в порядке. — Ян улыбнулся. (Я знаю, многим нравится верить досужим сплетням, что он никогда не улыбается, — это неправда. Но так мог улыбаться только Ян, и никто другой.) — Здесь затронута не только наша честь, но репутация Дорсая. Мы ока-

зались в ситуации без выбора. В любом случае, останемся мы и погибнем или уйдем и сохраним свои жизни.

— Как вообще такое получилось? Как бы могли попасться в ловушку? — Я откровенно перестал что-либо понимать.

— Отчасти... — Ян поднял свой стакан, отпил глоток и снова поставил его на прежнее место. — ...Отчасти потому, что сам Уильям — стратег в высшей степени выдающийся... Надеюсь, и это для тебя не новость. Отчасти потому, что ни мне, ни Кейси не пришло в голову, что, подписывая контракт, мы заключаем не двух-, а трехсторонее соглашение.

— Извини, не совсем понимаю тебя.

— Ситуация в Нахаре складывалась таким образом, — медленно начал он, — что изначально предполагала ликвидацию одного из социальных слоев общества — я имею в виду ранчеров, первых переселенцев. Строй, который они пытались создать, мог существовать лишь на малонаселенных территориях и только на этапе освоения. Государства вокруг их пастбищ были образованы порядка пятидесяти лет назад по сетанскому календарю. За эти годы соседи встали на ноги, в достаточной степени развили промышленность

и, следовательно, доказали несостоятельность существующих в Нахаре полуфеодальных отношений и единоличного владения огромными земельными угодиями. Наивно полагать, что гальеги — эти бывшие испанцы — с самого начала не знали, чем все это закончится. Доказательство тому — крепость, в которой мы имеем счастье сейчас находиться.

Он снова улыбнулся своей странной улыбкой и, немного помедлив, продолжил:

— Но это было сравнительно давно, когда ранчеры еще надеялись задержать неотвратимо надвигающийся печальный финал. Сейчас они, кажется, решили пойти на компромиссы.

— Ты говоришь о соглашениях с более развитыми соседними странами? — уточнил я.

— Фактически соглашение с остальной частью Сеты, то есть с Уильямом...

— Тогда мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если у ранчеров уже имелось соглашение с Уильямом, которое от вас скрыли, вы имеете полное право разорвать контракт. Откровенно говоря, я не вижу здесь никаких трудностей.

— Между ними не существует даже устных, не то что письменных соглашений, — усмехнулся Ян. — Ранчеры лишь должны были известить Уи-

льяма, что при соблюдении некоторых условий он может установить контроль над этой частью планеты. Землевладельцам в данном случае все равно — кому это предлагать. Если не Уильям, то в конечном счете появился бы кто-то третий.

— А с чем собирались остаться они?

— С гарантией, что их образ жизни и вся эта доморощенная культура будет защищена и сможет развиваться дальше.

Из-под темных бровей на меня в упор смотрели невеселые глаза Яна.

— Понимаю, — вздохнул я. — И как, по их мнению, Уильям должен действовать?

— Этого они не знают и, кажется, не очень беспокоятся. Уильям должен сам избрать способ оплаты за будущие услуги... Вот и все. У нас нет другого контракта, который мог бы служить оправданием разрыва настоящего.

Я отпил из своего стакана.

— Интриги в духе Уильяма, хотя то, что я о нем знаю, позволяет предполагать, что более естественным для него было бы создание ситуации, в которой Нахар отстал от своих соседей еще лет на пятьдесят. Из твоих слов я понял, что он торопится, замышляя какую-то аферу против Дорсая. Что выиграет Уильям, если братья Гримы разорвут

контракт и оплатят неустойку? По-моему, ваше финансовое положение от этого сильно не пострадает. И если даже придется воспользоваться резервными фондами Дорсая, для этих фондов подобные расходы будут не более булавочного укола. И, кстати, ты мне так и не объяснил, почему сложность проблемы заключается не в контракте, как таковом, а в угрозе чести Дорсая.

Ян кивнул.

— Уильям рассчитал и то и другое. И план его достаточно прост. Нахарцы нанимают военных специалистов — дорсайцев, желая превратить свою армию из сброда во вполне боеспособную силу. Далее на сцене появляются революционеры — провокаторы, которые поднимают в этой армии бунт. И когда страна начинает разваливаться, а ситуация выходит из-под контроля правительства, вот тут и появляются его собственные отряды наемников и восстанавливают в Нахаре твердый порядок.

— Понятно.

— Дальше все идет по заранее разработанному сценарию, — продолжал Ян. — Революционеры под его руководством занимают несколько кресел в правительстве, а ранчеры расстаются со своей абсолютной властью в провинциях, и не

более, так как по-прежнему будут владеть своими поместьями, а Уильям со своими отрядами обеспечит землевладельцам защиту уже от истинных революционеров. И все сразу станут ручными и тихими, подобно тем, кто живет на остальной территории планеты, а также на многих других планетах.

— Да-а, — задумчиво протянул я. — Значит, его цель — демонстрация эффективности собственных отрядов там, где дорсайцы терпят поражение?

— Ну вот, ты меня, кажется, начал понимать. Мы можем диктовать свои цены, потому что военных нашего уровня на других планетах нет. Если наниматель желает получить результат, который могут обеспечить только дорсайцы, а именно: разрешение военного конфликта практически без потерь в людях, технике и средствах, — он должен пригласить дорсайца. Сейчас это закон. Но если появятся люди, способные делать подобную работу так же хорошо или даже лучше, естественно, цена на нас упадет, и Дорсаю останется лишь медленно умирать от голода.

— Пройдет не один год, пока Дорсай начнет голодать. И наверное, за это время ситуация как-то изменится, и надеюсь, к лучшему.

— Дело в том, что Уильям смотрит еще дальше. Он не первый, кто мечтает нанять всех дорсайцев и с их помощью стать мировым диктатором. Ведь не случайно наши люди никогда не собираются в одном лагере все вместе. Но если Уильяму удастся задуманное и цена наша упадет настолько, что мы не сможем далее сохранять свободу и независимость Дорсая... Вот тогда Уильям предложит свой контракт — контракт, который даст нам возможность выжить. И тогда у нас не будет другого выбора, как его принять.

— Тогда ты просто обязан разорвать свой контракт, чего бы он ни стоил.

— Боюсь, что нет. — Ян вздохнул. — Неустойка такова, что мы не сможем ее оплатить. Мы станем прокляты, если уйдем, и будем прокляты, если останемся. Мы между двух жерновов, и если Аманда не найдет выхода, судьба сотрет нас в порошок...

Ян хотел что-то добавить, но в этот момент дверь приоткрылась и на пороге появилась Аманда.

— Спешу сообщить, что к нам изволили пожаловать господа-аборигены, называющие себя губернаторами. — Шутливый тон никак не вязался с ее озабоченным лицом. — По всей видимости,

мне придется почтить их своим присутствием. Ты пойдешь, Ян?

— Хватит и одного Кейси, — проворчал Ян. — Мы этим господам уже объяснили, что вдвоем бегать за ними не обучены, а то чуть что — «свистать всех наверх»... И встреча эта — пустые разговоры, не более.

— Хорошо. — Аманда собиралась закрыть двери, но, видно что-то вспомнив, спросила:

— Можно пригласить Падму?

— Спроси у Кейси. Но, пожалуй, сейчас лучше не дразнить наших глубокоуважаемых губернаторов.

— Вот и хорошо, — вздохнула Аманда. — Кейси тоже так считает, но просил меня поинтересоваться твоим мнением по этому поводу. — Она вышла.

— Ты действительно не хочешь идти туда? — спросил я.

— Нет необходимости. — Ян поднялся со своего кресла. — Сейчас я кое-что тебе покажу. Тогда мы сможем окончательно разобраться в ситуации. Если меня и Кейси убьют, у Аманды в помощниках будешь только ты — если, конечно, у тебя еще не пропало желание остаться.

— Я от своих слов не отказываюсь. — Кажется,

мой ответ прозвучал достаточно твердо.

— Вот и хорошо. Тогда пошли. Я хочу представить тебя Конде Нахара. Я послал Мигеля узнать, принимает ли Его Превосходительство, но ждать больше нельзя. Пойдем посмотрим, как поживает наш престарелый господин.

— А что, разве ему — я имею в виду Конде — не полагается быть на губернаторском приеме?

— Если речь идет о серьезных вещах, его не приглашают. По местным законам, Конде управляет всеми, но только не губернаторами. Ведь избирают Конде губернаторы... Законы законами, а по сути управляют всем эти господа.

Мы покинули служебный корпус и отправились в долгое путешествие по бесконечным коридорам Гебель-Нахара. Дважды поднимались на лифтах и наконец оказались на эскалаторе, что двигался вдоль длинной галереи. Когда она закончилась, Ян пинком ноги распахнул какие-то двери, и мы оказались, судя по обстановке, в дежурной комнате казарм гарнизона.

При виде нас, а скорее при виде грозного Яна, солдат, в ставшей уже привычной форме полкового оркестра, с грохотом вскочил из-за стола.

— Господа! — выкрикнул он по-испански.

— Я приказывал господину де Сандовалу узнать,

сможет ли Конде принять капитана Эль Мана и меня, — заявил Ян. — Где сейчас находится капельмейстер?

— Не могу знать, сэр. Он еще не возвращался. Сэр, наверное, знает, что не всегда можно быстро добиться приема у Конде.

— Это я знаю. Вольно, солдат. Значит, есть надежда, что господин де Сандовал скоро объявится?

— Да, сэр, с минуты на минуту. Может быть, господа захотят пройти в кабинет капельмейстера?

Дежурный неуклюже развернулся на месте и жестом, явно несвойственным военному человеку, указал на дверь в дальнем углу дежурки, за которой оказалась аккуратно прибранная комната, заставленная шкафчиками с бесчисленным множеством выдвижных ящиков и с абсолютно чистым письменным столом. На стенах были развешены музыкальные инструменты.

В том, что это в основном струнные и духовые инструменты, я разобрался, хотя многие из них видел в первый раз. Один весьма походил на шотландскую волынку. У нее были всего одна басовая труба длиной сантиметров семьдесят и сопелка, вдвое короче. Другой, незнакомый мне инструмент по внешнему виду напоминал

обычный горн, с непонятной целью обмотанный красным шнуром с шелковыми кистями. Я внимательно изучил всю настенную коллекцию, а затем снова вернулся к ущербной волынке, возле которой расположился Ян Грим.

— Ты умеешь играть на этом? — поинтересовался я.

— Я не дудочник, — ответил он. — Немного могу, но только на традиционной волынке горцев. Попроси Мигеля: он играет на всем — и играет неплохо.

Потеряв интерес к игре, я тоже сел.

— Ну и что ты думаешь? — спросил Ян. Я еще раз оглядел комнату.

— Странно... все это, — сказал я.

Так мог сказать только дорсаец.

Без сомнения, не найдешь в мире двух людей, совершенно одинаково содержащих свои служебные кабинеты, но если вы по неуловимым чертам безошибочно отличите в толпе дорсайца, так и по характеру кабинета определите, что его хозяин — дорсаец, и почти никогда не ошибетесь. С одного взгляда я, как, впрочем, и Ян, зайдя в комнату незнакомого офицера, могли догадаться, где он родился. И ключом к разгадке служил не тип мебели, а то, как она была расставлена.

Только не думайте, что я излишне восхваляю проницательность нашего народа. Любой старый солдат, зайдя в кабинет другого старого солдата, скажет: «Вот кабинет ветерана». И в этом случае и в нашем гораздо легче ответить, чем объяснять, почему именно такой ответ будет правильным.

Итак, служебный кабинет Мигеля де Сандовала, безусловно, являлся обителью дорсайца и при этом значительно отличался от него.

— Он так развесил свои инструменты, словно это боевое оружие, — заметил я.

Ян молча кивнул. То, что очевидно, не обязательно подтверждать словами.

Если бы Мигель захотел нас убедить в своем решении никогда не брать в руки оружие, он бы клятвой на знамени не добился того, чего достиг простой демонстрацией стен своего кабинета.

— Мне кажется, это у него серьезно, — сказал я. — Не понимаю, что случилось?

— Это его личное дело, — ответил Ян.

— Да, разумеется, — согласился я. Но открытие это сильно задело меня, так как наконец я понял, что происходит с моим юным другом. Всепоглощающая боль терзала Мигеля, и нельзя было пройти мимо и не разделить эту боль — боль человека, которого ты знал с детства.

Осторожно приоткрылись двери, и в просвете появилась голова дежурного.

— Господа, — объявил он. — Господин капельмейстер будет здесь через минуту.

— Спасибо, — очень вежливо поблагодарил Ян, и действительно, не прошло и минуты, как на пороге комнаты появился Мигель.

— Извините, что заставил вас ждать, — начал он, но Грим не дал ему договорить:

— Не надо извинений. Как нетрудно догадаться, Его Превосходительство вынудил тебя изрядно поскучать в приемной?

— Да, сэр.

— Ну а сейчас он расположен принять меня и капитана?

— Да, сэр. Он ждет вас с нетерпением и примет с радостью.

— Ну и отлично.

Ян резко встал, я последовал его примеру, и мы оба вслед за Мигелем направились к выходу.

— Аманда Морган сейчас встречается с губернаторами, — обратился Ян к Мигелю. — Возможно, ты ей понадобишься. Где она тебя найдет?

— Я буду все время здесь, — ответил Мигель. — Сэр... я бы хотел извиниться за дежурного, который пытался оправдать мое отсутствие... — Он

мельком взглянул на крайне смущенного солдата. — Моим подчиненным много раз...

— Все хорошо, Мигель, — улыбнулся Ян. — Ты был бы плохим дорсайцем, если бы солдаты не пытались защищать тебя.

— Тем не менее...

— Тем не менее, — снова перебил его Ян, — я знаю, что теперь эти музыканты — единственная боевая часть, которая будет защищать Гебель-Нахар... извини, но я не верю в чудеса.

— Спасибо, командор, — улыбнулся Мигель.

— Не стоит благодарностей.

Мы вышли, и снова Ян вел меня по лабиринту из лифтов и глухих коридоров.

— Сколько музыкантов ушли вместе с полком? — спросил я.

— Все здесь, — коротко бросил Ян.

— И, кроме них, никто не остался?

Насмешливый взгляд был мне ответом, но, видно сочтя его недостаточно красноречивым, Ян добавил:

— Возможно, ты забыл, но Мигель — все же выпускник нашей Академии...

Мы оказались у массивных двустворчатых дверей, к которым нас привел короткий, но достаточно широкий коридор. Ян сильно надавил

кнопку звонка и, четко выговаривая по-испански каждое слово, объявил:

— Командор Ян Грим и капитан Эль Ман просят разрешения Его Превосходительства принять их.

Стоило Яну произнести последнее слово, как за дверями что-то мягко защелкало, одна из створок распахнулась, и перед нами появился еще один музыкант Мигеля де Сандовала.

— Извольте сюда, господа, — почтительно произнес он.

— Спасибо, — кивнул Ян. — А где мажордом Конде?

— Он ушел, сэр. Как и большинство прочих слуг.

— Понятно.

Переступив порог, мы оказались в весьма просторной, но без окон комнате, обставленной старинной, сохранившей былое великолепие, но непривычно громоздкой мебелью.

Музыкант провел нас еще через две, удивительно похожих на первую и тоже без окон, комнаты. Затем мы оказались в третьей, отличавшейся от предыдущих окном во всю стену и открывающимся за ним неизменным степным пейзажем.

У окна, опираясь на трость с серебряным набалдашником, стоял высокий худой старик в

черном.

Солдат, не привлекая внимания, закрыл за собой двери, а Ян подвел меня к единственному обитателю этой комнаты.

— Ваше Превосходительство, — произнес он все также по-испански. — Разрешите представить вам капитана Корунну Эль Мана. Капитан, вы удостоены высокой чести: перед вами — Его Превосходительство Конде Нахара — Масиас Франсиско Рамон Мануэль Валентин де Компостелло де Абенте.

— Добро пожаловать в Нахар, капитан, — прозвучал слабый старческий голос — все, что осталось от некогда величавого баса. Говорил Конде правильнее, чем его подданные, с которыми я уже имел возможность познакомиться, но его испанский был, пожалуй, еще архаичнее. — Надеюсь, господа не откажутся присесть? Года мои не идут на пользу здоровью, и стоять становится все более утомительным.

И мы расположились в тяжелых креслах с высокими спинками и массивными подлокотниками — настоящие королевские троны, а не кресла.

— Капитан Эль Ман, — начал Грим, — прервал свой короткий отпуск и добровольно вызвался доставить госпожу Аманду Морган, чтобы она

смогла встретиться и обсудить с губернаторами сложившуюся в Нахаре обстановку. Сейчас госпожа Морган находится в зале заседаний.

— Я не знаком... — Конде запнулся, довольно долго вспоминая имя, — с Амандой Морган.

— Это наш эксперт.

— Буду рад встрече с ней.

— Она с нетерпением дожидается возможности быть представленной вам.

— Пожалуй, сегодня вечером. Буду рад видеть всех к ужину, но... слуги мои покинули дворец.

— Я только что узнал об этом, — сказал Ян.

— Они могут убираться! — Конде был не на шутку рассержен. — Но никто из них больше не переступит порог этого дома. И дезертирам никогда — слышите, никогда не будет разрешено возвратиться в мою армию.

— Если Его Превосходительство позволит, — сдержанно заметил Ян, — мы пока не знаем всех причин, побудивших полки выйти из повиновения. Возможно, среди них существуют и такие, которые позволят Его Превосходительству проявить снисхождение.

— Не хочу даже думать о снисхождении. — Произнесено это было тонким надтреснутым голосом, но с таким пафосом, что при этом спина

старика распрямилась, а в темных глазах зажегся яростный огонь. — Но если вы считаете, что такие причины существуют, я готов рассмотреть их немедля.

— Мы высоко ценим ваше решение, — ответил Грим.

— Вы слишком мягкий человек. — Конде перевел взгляд на меня. — Капитан! — Неожиданно в голосе старика появились металлические нотки. — Командор, надеюсь, уже успел вам обрисовать ситуацию? Эти дезертиры... — Палец Конде указывал в окно на простирающуюся внизу равнину. — ...Эти дезертиры, подстрекаемые людьми, бессовестно называющими себя революционерами, угрожали взять штурмом Гебель-Нахар. Если они посмеют прийти сюда, я и преданные мне слуги — мы будем сражаться. Сражаться до последней капли крови.

— Губернаторы... — начал Ян.

— Губернаторы? Этим людям нечего мне сказать! — яростно отрезал Конде. Однажды они — точнее не они, а их отцы и деды — выбрали моего отца. Я унаследовал его титул, и ни они, и никто другой во всей Вселенной не наделен правом лишить меня того, что принадлежит мне по праву. Пока я жив, я буду El Conde, и толь-

ко смерть лишит меня права им быть. Я буду драться, даже если останусь один. Драться, пока последние силы не покинут меня. Но я никогда не отступлю — никогда! Никаких компромиссов! Слышите, никаких!

Вот так продолжался яростный монолог Конде. Произносились все новые и новые слова, но смысл их оставался прежним: ни на один дюйм не уступит правитель Нахара тем, кто собирается изменить государственную систему. Можно было бы не придавать всему этому значения, если бы мы считали: старик выжил из ума, не знает и не понимает того, что происходит в стране. Но хрупким и немощным было лишь его тело, а разум оставался чист; и ситуация в стране представлялась Конде так же ясно, как и нам. То, что он сейчас декларировал, являлось порождением непоколебимого упрямства. Он решил никому и ни в чем не уступать, несмотря на голос разума и известное ему подавляющее превосходство враждебных сил.

Истекли еще несколько минут яростных обличений — пафос его речи стал понемногу стихать. Тогда он в изысканной придворной манере попросил извинить его за некоторую горячность, но не за твердость убеждений. Затем последовал

небольшой экскурс в историю Гебель-Нахара, и после обмена любезностями Его Превосходительство отпустил нас.

— Теперь ты познакомился с еще одной стороной наших проблем, — по дороге в служебный корпус заметил Ян.

Некоторое время мы шли молча.

— Одна из сторон этих проблем, — прервал я молчание, — на мой взгляд, заключена в различии, как мы понимаем, что такое честь, и как эти же вопросы решаются здесь, в Нахаре.

— И не забудь сказать: «При полном отсутствии этой самой чести у Уильяма», — добавил Ян. — Для нас честь — это прежде всего ответственность личности перед собой, перед обществом и в конечном счете перед всем человечеством. Для нахарцев честь есть лишь обязательство перед собой.

И тут я невольно рассмеялся.

— Извини. — Я встретился с ним взглядом. — Оказывается, ты читал пьесу Кальдерона о саламейском мэре?

— Не думаю. Ты сказал — Кальдерой?

— Педро Кальдерон де ла Барка — испанский поэт семнадцатого века. Автор пьесы «Саламейский алькальд». — И я прочел пришедшие мне на

память, после слов Яна о чести, строки:

Al Rey la hacienda y la vida
Se ha de dar; pero el honor
Es patrimonio del alma
Y el alma solo es de Dios.

— «Судьба и жизнь принадлежит королю, — тихо повторил за мной Ян. — И только честь живет в душе, а душа отдана Богу». Я понимаю, что ты хочешь этим сказать.

Я намеревался продолжить разговор, но заметил, что Ян не слушает, а лишь изредка бросает в мою сторону короткие косые взгляды.

— Когда ты в последний раз ел? — спросил он.

— Не помню, — ответил я. — Но, пожалуй, не испытываю никакой потребности в пище.

— Тогда ты испытываешь потребность в отдыхе. Наверное, нелишне будет вспомнить, как ты летел сюда с Дорсая. Сейчас тебе просто необходимо выспаться. Если Конде еще не раздумал устраивать сегодня прием, я постараюсь ему все объяснить.

— Хорошо. Ценю твою заботу.

Стоило только подумать о предстоящем отдыхе, как усталость сразу же навалилась на меня.

Можно тем, кто никогда не летал к звездам, не

знать простое правило старых пилотов: «Риск в полете возрастает прямо пропорционально увеличению расстояния, пройденного в одном сдвиге». А говоря проще — никогда не выходи за пределы безопасной дистанции световых лет. Те шесть фазовых сдвигов, что я преодолел, перекрыли все мыслимые и немыслимые границы дозволенного.

Опасность заключается еще и в том, что во много раз возрастает статистическая ошибка при расчетах координат твоего нового местоположения, и ты рискуешь оказаться в таком районе космоса, где нет известных тебе созвездий, от которых можно взять новый отсчет. Но даже если ты исключишь эту проблему, все равно для подготовки нового сдвига требуется провести огромное количество вычислений и ввести новые поправки. Это жизненно важно, иначе, выйдя из следующего сдвига, ты уже никогда не найдешь дорогу обратно.

За трое суток полета я позволил себе лишь пару раз, в перерывах между вычислениями, вздремнуть, не вставая с командирского кресла.

Когда вызванный Яном солдат довел меня до дверей предназначенных мне апартаментов, единственное, чего я страстно желал, — это, не

раздеваясь, рухнуть на огромное ложе спальни. Но годы опасностей и врожденный инстинкт самосохранения заставили сначала проверить все три комнаты и ванную. В одной из комнат находилась дверь, через которую можно было выйти на узкий длинный балкон, протянувшийся по всей длине здания и разделенный на части кадками с тропическими растениями.

Осмотрев принадлежащий мне кусочек балкона, комнату и заперев двери, я едва добрался до постели.

Проснулся, когда за окнами уже стемнело. Разбудил меня настойчивый звонок во входную дверь, я протянул руку и в темноте нашарил тумблер переговорного устройства.

— Да? — хриплым со сна голосом спросил я. — Кто это?

— Мигель де Сандовал, — раздался в динамике спокойный голос Мигеля. — Могу ли я войти?

Я тронул кнопку, управляющую защелкой дверного замка, и сквозь дверной проем спальни наблюдал, как распахнулась входная дверь, впуская из коридора в темноту гостиной расходящийся веером кинжально-острый пучок света. Затем я встал и отправился в гостиную.

— Что случилось? — спросил я, когда дверь за

Мигелем закрылась.

— Вентиляция на этом этаже не в порядке, — ответил он, и только сейчас я заметил, как неподвижен воздух в моих комнатах. Очевидно, что Гебель-Нахар имел автономную систему вентиляции, не связанную с атмосферным воздухом планеты.

— Я собирался проверить все жилые комнаты на этом этаже, — произнес мой ночной гость. — Наружные двери не герметичны, так что удушье вам не грозит, но дышать будет немного трудно. К утру, надеюсь, все будет в порядке... Стоило разбежаться прислуге, как сразу начались неполадки. Пожалуй, я открою балконную дверь. — Последнюю фразу он произнес на полдороге к окну.

— Спасибо, — поблагодарил я. — А куда исчезли слуги? Они что, тоже все революционеры?

— Вряд ли. — Мигель щелкнул задвижкой замка, впуская в комнату ночную прохладу. — Наверное, просто не захотели, чтобы во время штурма заодно с Конде и им перерезали глотки.

— Уважительная причина, — согласился я.

— Да, понять их можно.

— Сколько сейчас времени? — спросил я. — Так крепко спал, будто наглотался снотворного.

— Скоро полночь.

Я сел в кресло. Слабый свет от расставленных на балконе светильников проникал через окно в гостиную и лишь слегка разгонял темноту.

— Посиди со мной, — попросил я. — Расскажи, как прошел ужин у Конде?

Мигель расположился в кресле напротив.

— К сожалению, мне нужно скоро уходить. Сегодня я единственный, кто может исполнять обязанности дежурного офицера. А вечер у Конде прошел как сладкий сон. Старик так увлекся ухаживанием за Амандой, что на время забыл о необходимости проклинать взбунтовавшуюся армию.

— Ты не знаешь, чем закончилась встреча Аманды с губернаторами? — И я скорее почувствовал, чем увидел, как в сумерках гостиной он неопределенно пожал плечами.

— А что с ними вообще можно было обсуждать? Господа лишь выражали крайнюю озабоченность в связи с уходом армии и требовали заверений, что Кейси и Ян смогут контролировать ситуацию.

— Они уже разъехались?

— Отбыли, на прощание потребовав гарантировать безопасность Конде. И Ян, и Кейси отказали им в этом, но пообещали, что оставшиеся здесь

будут защищать Конде, используя все возможные средства.

— Выходит, Аманда зря потратила на них силы и время...

— Пожалуй, нет. Она хотела «почувствовать» их. — Мигель слегка подался вперед. — Ты же знаешь, ей нужно готовить и отправлять домой отчет... Хотя я думаю, что если кто-то и найдет решение, то это будет только Аманда Морган. Она говорит: «Не сомневайтесь, выход есть»... но найдет ли она его за оставшиеся тридцать шесть часов — вот в чем вопрос.

— Ты рассказывал ей о губернаторах? Как я понимаю, ты единственный из ее окружения, кто знает этих господ.

— Да, мы немного поговорили в аэробусе. Потом я ждал, что Аманда позовет меня, но она работала или одна, или с Падмой, или с Яном.

— Ясно, — сказал я. — Могу я помочь? Хочешь, сменю тебя?

— Ян велел тебе передать, чтобы ты хорошенько выспался, потому что завтра понадобишься ему. Я нормально справлюсь с дежурством. — Мигель встал и двинулся к входной двери. — Покойной ночи.

— Покойной ночи, — ответил я.

Острие светового клинка снова скользнуло по ковру, дверь щелкнула, свет исчез, и я остался один в сумраке гостиной.

Я не пошел в спальню, а, подставив лицо свежему ночному ветерку, проникавшему сквозь полуоткрытую балконную дверь, остался сидеть в кресле. Наверное, я задремал, а может, просто задумался и не сразу услышал звуки голосов за балконной дверью. Они доносились не с моей, а с соседней части балкона, левее спальни....

— Да, — произнес мужской голос. Невольно думая о Яне, я и сейчас решил, что голос принадлежит ему. Нет, это был Кейси. Голоса братьев отличались, пожалуй, лишь интонациями.

— Я не знаю... — ответил встревоженный женский голос — голос Аманды Морган.

— Слишком быстро летит время, — снова заговорил Кейси. — Посмотри на нас. А ведь словно еще вчера мы вместе ходили в школу.

— Ты считаешь — пора обзаводиться семьями? А может быть, я никогда этого не сделаю...

— Ты так уверена?

— Конечно нет. — Голос ее стал глуше, словно она отошла от Кейси.

Неожиданно для себя я представил, как он стоит, прижимаясь спиной к стеклу балконной

двери, и ее... вот она идет к перилам балкона, сжимает теплыми пальцами холодный металл и смотрит на залитую звездным светом равнину.

— Тогда, может быть, стоит подумать об этом сейчас?

— Нет, — ответила она. — Я знаю... я не хочу этого сейчас.

И снова изменился голос — это она повернулась и скова подошла к нему.

— Может быть, во мне живут тени прошлого? Может быть, дух первой Аманды поселился во мне и решает за меня даже самые простые житейские проблемы?

— Она выходила замуж три раза.

— Но мужья никогда не были в ее жизни главным. О, я знаю, она любила их. Я читала ее письма и воспоминания о ней ее детей. Но она принадлежала всем, а не только своим мужьям и детям. Неужели ты не понимаешь? Я знаю, что такое предназначение ждет меня.

Он молчал, и прошла долгая, томительная пауза, прежде чем снова раздался ее голос:

— Кейси, неужели это так важно?

Наверное, он хотел обратить все в шутку, только мне показалось, что слова даются ему с трудом.

— Так мне кажется, — медленнее, чем обычно, произнес он.

— Но ведь это случилось, когда мы были детьми. С тех пор мы выросли. Ты изменился. Изменилась и я.

— Да.

— Я не нужна тебе, Кейси, я не нужна тебе, — звучал мягкий женский голос. — Все и так любят тебя.

— Могу я поменять? — Опять его шутливый тон. — Всех на одну тебя?

— Не надо, Кейси!

— Ты просишь слишком многое. — Теперь голос его не казался шутливым, но не чувствовалось в нем даже тени упрека. — Пожалуй, мне будет легче просто перестать дышать...

И снова долгое молчание разделило их.

— Почему ты не хочешь понять, что у меня нет выбора? — сказала она. — Выбирать можешь ты, а у меня нет выбора. Мы оба — такие, как есть, и другими уже не будем никогда.

— Да, — согласился он.

На этот раз ее молчание длилось дольше. Они оба застыли, так и не сделав последнего шага друг к другу.

— Да, — наконец произнес он. И на этот раз

получилось усталое и медленное «да». — Жизнь не стоит на месте, и все мы, нравится нам это или нет, движемся вместе с этой жизнью.

И только теперь она направилась к нему. Я слышал звуки легких шагов по бетонным плитам балкона.

— Ты переутомился, — сказала она. — Ты и Ян, вы оба переутомились. Пойди отдохни до утра. Все кажется другим при солнечном свете.

— И такое порой бывает. — Снова в его голосе появились шутливые нотки, но я понимал, чего это ему стоит. — Хотя сейчас я не могу поверить в чудодейственную силу этого лекарства...

Они ушли с балкона, а я остался сидеть в кресле, чувствуя, что сон оставил меня. Я сидел и уговаривал себя, что не мог встать, уйти и не слышать их разговора, так, чтобы не выдать своего присутствия. Их слух был так же обострен, как и мой, их ведь тоже учили быть бдительными. Я уговаривал себя и не мог избавиться от отвратительного чувства — я вмешался в чужую жизнь, я оказался там, где мне не следовало быть никогда.

А сейчас уже поздно что-либо изменить, и оставалось сидеть в своем кресле, и уговаривать самого себя, что ты не мог поступить иначе. А отвратительное чувство не исчезало, не внимало

уговорам...

Я так погрузился в собственные переживания, что ворвавшийся в мое сознание тревожным сигналом легкий шорох шагов услышал лишь возле самой балконной двери. Я поднял голову — темный женский силуэт вырисовывался в проеме приоткрытой двери.

— Ты все слышал, — раздался тихий голос Аманды.

Не было смысла отрицать, да она и не спрашивала, и я сказал:

— Да.

А ока не двигалась, не уходила, словцо что-то ждала.

— Это случайность! Когда вы вышли на балкон, я уже сидел в этом кресле. Я не мог ни встать, ни закрыть двери.

— Все хорошо. — Она вошла ко мне. — Нет, не надо зажигать свет.

И я опустил руку, уже протянутую к встроенному в ручку кресла пульту управления. Свет с балкона падал на мое лицо, и ей было лучше видно, чем мне. Она села в кресло, которое еще недавно занимал Мигель.

— Я сказала себе: пойду и посмотрю, хорошо ли он спит... Ян рассчитывает па твою помощь зав-

тра... Но про себя думала: лучше бы он не спал.

Я понял, что за этим сейчас последует.

— Я не считаю возможным для себя бесцеремонно вторгаться в чужую жизнь.

— Я врываюсь к тебе среди ночи, хватаю за шиворот, тычу носом в свои проблемы, и это ты называешь — вторгаться в чужую жизнь? — Я слышал знакомый голос и легкий, беззаботный тон, которым пытаются скрыть внутреннюю боль; так совсем недавно говорил Кейси. — Это обо мне нужно говорить — вторгаюсь. Это я свои беды пытаюсь взвалить на чужие плечи.

— Я готов разделить их, — чуть помедлив, произнес я.

— Я верила, что ты скажешь именно эти слова. — Странно, что этот голос, который я привык слышать совсем в другой обстановке, сейчас исходил от размытого полумраком темного силуэта.

— Я бы не посмела тревожить тебя, но мне нужно собраться с мыслями и делать только то, для чего я оказалась здесь, но личное... оно встает на моем пути, оно мешает мне.

Она помолчала.

— И тебе действительно не надоели люди с их бесконечными проблемами?

— Нет.

— Я так и думала. Я знала, ты не оттолкнешь меня. Ты часто вспоминаешь Элизу?

— Когда не думаю о другом.

— Жаль, что я не знала ее.

— Она была хорошим человеком.

— Да. Как правило, это начинаешь понимать, лишь когда сравниваешь с кем-то другим. Страшно то, что часто мы это просто не успеваем понять. Или понимаем, когда уже слишком поздно. — Она помолчала. — После того, что сейчас произошло на балконе, ты наверное, думаешь, я говорю о Кейси?

— А разве не о нем?

— Нет. Кейси и Ян — вся семья Гримов — они так близки нам, Морганам... мы ведь как родственники. Обычно ты не влюбляешься в родственника или думаешь, что не влюбишься в родственника — по крайней мере, когда ты еще молод. Ты мечтаешь о прекрасном далеком незнакомце — о таком, который ждет тебя в конце пути длиной в пятьдесят световых лет.

— Я никогда не мечтал о подобном. Элиза жила рядом, и с каждым прожитым годом росла к ней моя любовь.

— Извини меня. — И я увидел, как качнулись в сумраке расплывчатые очертания ее фигуры. — Я

все время думаю и говорю только о себе, но я понимаю тебя. Знаешь, когда я была моложе, то иногда задумывалась о своей судьбе — рано или поздно, но наступит тот день, когда должна будешь сказать «да». У девушки наверняка не все в порядке, если она не хочет, чтобы рядом с ней был такой человек, как Кейси.

— И ты действительно так считаешь?

— Да, — ответила она. — Со мной что-то происходило. Я росла — и это было моей бедой.

— Все растут.

— Нет, я говорю не об этом. Я не вкладываю в это понятие биологический смысл. Я духовно становилась зрелой личностью. Нам, Морганам, судьба даровала долгую жизнь, и, мне кажется, поэтому мы дольше взрослеем. Знаешь, как это происходит с малышами — все равно, зверь это или человек. У тебя в доме была какая-нибудь зверушка?

— И не одна.

— Тогда ты поймешь, что я хочу сказать. Когда дикий зверек еще мал, помнишь, какой он ласковый, как сворачивается в клубок у твоих ног? Но вот он подрос, и вдруг однажды он кусает и царапает тебя без предупреждения. И тогда люди говорят: «Ничего не поделаешь, таков инстинкт».

Но это не так. Ведь и люди порой ведут себя точно так же. Когда живое существо подрастает, оно начинает задумываться о себе, о своих желаниях, стремлениях, о своем настроении, наконец. И настает такой день, когда кто-то хочет поиграть с этим существом... а оно вовсе не хочет играть, и тогда оно протестует: «Вон от меня! То, что я хочу, так же важно, как и то, что хочешь ты!» И все... Время, когда ты уютно сворачивался у чужих ног, прошло и никогда уже не вернется.

— Ты права. Это происходит со всеми нами.

— Но у нас это происходит слишком поздно! А может быть, мы слишком рано начинаем самостоятельную жизнь? На Дорсае уже в семнадцать лет мы уходим из дома, мы работаем как взрослые — или у себя на планете, или на других. Нас выбрасывают во взрослый мир. У нас нет времени задуматься, что значит быть взрослым и что делает нас взрослыми. Мы еще не понимаем, что уже не щенки, пока без предупреждения не набросимся на кого-нибудь, чтобы покусать и расцарапать. И только тогда нам становится ясно, что мы изменились и другие тоже изменились. Но уже слишком поздно приспособиться и понять перемены, произошедшие в другом человеке, потому что сами бьемся в ловушке своих

собственных перемен.

Она остановилась, и я тоже молча сидел и ждал. Опыт подобных откровений подсказывал, что мне не нужно говорить — говорить будет Аманда.

— Нет, не о Кейси думала я, когда села в это кресло и сказала: «Страшно то, что единственно нужного человека ты встречаешь, когда уже слишком поздно». Я говорила о Яне.

— О Яне? — переспросил я, потому что Аманда вновь замолчала, и я чувствовал, просто необходимо было что-то сказать, помочь ей продолжить.

— Да, — вздохнула она. — Когда я была молода, то не понимала Яна. А вот сейчас понимаю. Тогда мне казалось, в нем нет души, чувств, что он весь сделан из чего-то твердого, что он... как кусок дерева. Но он не такой. Все, что ты замечаешь в Кейси, — есть и в Яне, только вот слишком мало света вокруг него, чтобы увидеть это. Теперь я знаю и теперь слишком поздно.

— Поздно? Но ведь он не женат... или женат?

— Женат? Да нет, пока нет. А ты разве ничего не знаешь? Посмотри на фотографию, на его столе. Девушку зовут Лия. Она с Земли. Ян встретил ее там четыре года назад. Но не о Лии думаю я, гово-

ря — «слишком поздно». Слишком поздно — это я о себе. Мне судьбой предназначено повторить жизненный путь первой Аманды. Я рождена принадлежать сначала людям и только потом одному-единственному человеку. Как бы сильно ни влекло меня к Яну, я всегда думала об этой зависимости; в моей душе ему предназначена лишь вторая роль. Я не могу поступить с ним так, и уже поздно что-либо менять в себе.

— А может быть, Ян примет такие условия?

Она молчала, и только вздох я услышал оттуда, где в полумгле вздрогнула черная тень...

— Ты не должен говорить так, — прошептала Аманда.

Вновь потекли томительные мгновения тишины, пока она не заговорила, страстно и яростно:

— Если бы мы с Яном вдруг поменялись ролями, ты бы и ему предложил подобное?

— Я не предлагал, я лишь сделал предположение.

И снова молчание.

— Ты, как всегда, прав, — сказала она. — Я знаю, чего хочу, и знаю, чего боюсь в себе, и настолько это для меня очевидно, что порой начинает казаться, все вокруг меня тоже знают.

Она встала.

— Прости меня, Корунна. Я не имела права обременять тебя своими заботами.

— Так устроен мир. Люди говорят с людьми.

— А с тобой больше чем с другими. — Она подошла к балконной двери и задержалась на ее пороге. — Еще раз спасибо.

— Я не сделал ровным счетом ничего.

— Все равно спасибо. Покойной ночи. Постарайся уснуть.

Она вышла на балкон, и, пока стена моей гостиной не скрыла ее из виду, я провожал глазами необычайно прямой, стройный силуэт уходящей от меня женщины.

В кровать я лег с ощущением, что не засну никогда. Но уже через мгновение провалился в глубокий, непробудный сон.

А проснулся, когда наступило утро, и разбудили меня мелодичные трели видеофона. Всего один щелчок переключателя, и на экране появилось лицо Мигеля.

— Я посылаю к тебе человека с планом Гебель-Нахара, — сообщил он после короткого приветствия. — Теперь ты здесь сможешь ходить без провожатых. Если готов, завтрак ждет тебя в общем зале.

— Спасибо, — успел ответить я, и экран потух.

Явился посыльный с обещанными картами; к этому времени я уже встал и был готов к началу второго дня пребывания в осажденной крепости. Когда я вошел в зал, его единственным обитателем был уже заканчивающий завтракать Ян.

— Садись, — указал он мне на кресло рядом. Я сел и приготовился слушать.

— Исходя из реальной обстановки, — начал он, — я предполагаю, что через двадцать четыре часа, возможно — чуть позже, начнется штурм. Мне хочется, чтобы ты прежде всего тщательно познакомился с системой обороны, в особенности с укреплениями первой линии. Тогда ты сможешь руководить людьми на этих участках или, если возникнет необходимость, возглавить оборону.

— Как ты себе это представляешь? — спросил я.

Ян дождался, когда отправится на кухню получивший мой заказ солдат, и только тогда продолжил:

— Для обороны первой линии будет выведена команда Мигеля, и небольшая горстка останется в резерве. Большинство наших музыкантов, в лучшем случае, держали когда-либо в руках лишь стрелковое оружие, нам же при отражении

атаки пехоты потребуется умение обращаться с тяжелым энерговооружением и артиллерией. Я хочу, чтобы ты научил их этому. Мигель знает, кто из них на что способен, и будет тебе помогать. Завтракай, а я расскажу, как, на мой взгляд, поведут атаку мятежники, что от них можно ожидать и, следовательно, каковы должны быть наши вероятные действия.

Принесли завтрак, и вместе с ним я усваивал соображения Яна, почерпнутые как из его собственного опыта, так и из наблюдений Мигеля, и что в коротком пересказе выглядело приблизительно так.

Наступающая армия, раз за разом, волновыми фронтальными атаками, будет накатываться на укрепленный склон, пока не подавит первую линию обороны. План Яна основывался на идее жесткой обороны первой линии, а при невозможности быстрого отхода на вторую — имел в виду непременное уничтожение оставшегося тяжелого вооружения, чтобы оно не могло быть использовано неприятелем. Все начиналось снова на второй линии — и так, шаг за шагом, медленный отход вверх по склону. Наверняка именно такая оборонительная тактика подразумевалась проектировщиками при создании

крепости Гебель-Нахар.

Что же могло помешать осуществлению этого плана? Если не все защитники смогут быстро и организованно перейти на вторую линию, естественно будет предположить, что для ее обороны просто не хватит людей, не говоря уже о третьей, четвертой и прочих линиях обороны. И может случиться так, что самую мощную крепостную стену на верхней террасе просто некому будет защищать.

Будь у нас достаточное количество «понюхавших пороху» солдат, не говоря уже о ветеранах-дорсайцах, мы могли бы так организовать оборону, что после громадных потерь наступающие поневоле прекратили бы бесплодные атаки.

Никто из нас не высказал этого соображения вслух, но оба мы отчетливо понимали, что поражение наше неизбежно и единственное, на что мы способны, — это нанести как можно больший урон противнику.

И вот еще что было очевидно и не обсуждалось: чем яростнее будет оборона Гебель-Нахара, тем меньше будет оснований у губернаторов и Уильяма обвинить дорсайских военных в непрофессионализме.

Закончился мой завтрак, а вместе с ним и лек-

ция по тактике обороны.

— Где сейчас Аманда? — спросил я, вставая из-за стола.

— Работает вместе с Падмой... или нужно говорить: Падма работает вместе с ней, — ответил Ян.

— Я не знал, что экзоты изменили своим принципам невмешательства в военные конфликты.

— А он и не участвует. Обычная линия поведения экзотов — делиться знаниями с тем, кому они нужны. И ты это прекрасно знаешь. Они пытаются найти политическое решение проблемы, чтобы репутация дорсайцев не пострадала.

— А твое мнение — реально ли им отыскать такое решение?

Ян пожал плечами.

— Дело в том... — Ян замолчал, бесцельно перебирая разложенные на столе бумаги. — Они рассматривают проблему под несколько другим углом, чем мы, военные, и я не силен в оценке их стратегии, но... мы не должны терять надежды.

— Кстати, у тебя не возникало мысли, что Мигель с его знанием характеров и образа жизни нахарцев может быть им полезен?

— Да. Я говорил об этом и просил Мигеля оказать помощь, если таковая потребуется. Насколько я

знаю, пока к нему за советами не обращались.

Ян поднялся, и мы пошли; он — в свой рабочий кабинет, а я — в штаб, заниматься вопросами организации обороны.

Мигеля в штабе не оказалось, тогда дежурный отправил меня на первую террасу, где господин капельмейстер уже начал отработку первых навыков обращения с оружием. Мы потратили на это почти все, утро, но вскоре пришлось прервать занятия, и не потому, что команду уже нечему было учить (как раз наоборот), а потому, что нетренированные солдаты находились на пределе физических сил и бесконечно совершали одну ошибку за другой уже просто по причине усталости.

Скомандовав отбой и отправив своих музыкантов на отдых, Мигель провел меня в свой кабинет, куда дневальный принес бутерброды и кофе.

Покончив с едой, я встал и подошел к стене, где висела так заинтересовавшая меня в первое посещение «ископаемая» волынка.

— Ну и штучка... Ян скромно признался, что кое-как сможет справиться с шотландской волынкой, ну а если мне хочется послушать вот эту, то следует попросить Мигеля.

Мигель смотрел на меня из-за стола и улыбал-

ся. Эти утренние часы учений изменили его до неузнаваемости, о чем он сам не догадывался. Он помолодел, повеселел, и, конечно, ему был приятен мой интерес к этому необычному инструменту.

— Она называется gaita gallega. А если точнее — это один из видов gaita gallega — волынки, которую делали в Галисии на планете Земля и которую, пожалуй, можно и сейчас там встретить. Если умеешь играть на шотландской волынке, то справиться с этим инструментом не составляет особого труда. Ян поскромничал или хотел, чтобы я продемонстрировал свои музыкальные способности.

— Наверное, он считает, что у тебя получится гораздо лучше.

— Хорошо... — Мигель снова улыбнулся. — Ну разве что чуть-чуть. — Он встал из-за стола и подошел ко мне. — Ты действительно хочешь ее послушать?

— Очень хочу.

— Тогда выйдем отсюда, — предложил Мигель, снимая инструмент со стены. — Она не предназначена для столь маленькой комнаты.

Мы вернулись на террасу, туда, где совсем недавно отрабатывали боевые приемы и где до

поры застыло в молчании грозное оружие. Рядом с ним постоял Мигель в коротком раздумье, и вот уже ремень, прикрепленный к обоим концам басовой трубы, перекинут через плечо, сама труба, словно указующий перст, направлена в небо; губы его обхватили мундштук, пальцы пробежали по отверстиям в сопелке, меха набрали воздух, и он начал играть.

Музыка волынки подобна дорсайскому виски. Или вы не выносите ее, или считаете непревзойденной и ни с чем несравнимой. Я принадлежу к тем, кто находит своеобразную прелесть в этих звуках. Здесь, в Гебель-Нахаре, я понял — почему. Мои предки — не только шотландские горцы; течет в моих жилах немалая толика испанской крови, а вот сейчас я узнал, что полюбившийся инструмент по праву принадлежит и моим испанским предкам.

Меряя шагами площадку, Мигель играл незатейливую шотландскую мелодию «Лесные цветы», вдруг он резко остановился, сделал шаг к крепостной стене и, устремив свой взгляд на равнину, заиграл незнакомое.

Пусть найдутся достойные слова для описания охвативших меня чувств. В ритме мелодии не было ничего шотландского. Она была испан-

ская — испанская по духу, испанская «до мозга костей». Заключенная в изысканную музыкальную форму, мелодия превращалась в яростный, гневный вызов, от которого пульсирует в жилах кровь и волосы на голове поднимаются дыбом.

Мигель закончил на протяжной, как стон, затухающей ноте, снял с плеча лишенный воздуха мешок, повернулся, и я увидел его лицо — лицо, с которого исчезло выражение юношеского задора. Передо мной стоял усталый, опустошенный человек.

— Что это было? — спросил я.

— Для приличной компании у нее есть приличное название, — тихо произнес он. — Но его забыли. Нахарцы называют ее просто «Su Madre».

— Вот что ты должен сыграть, если хочешь вызвать на бой врага.

Неожиданно, словно последние силы покинули его, Мигель тяжело опустился на уступ крепостной стены и сложил на коленях волынку.

— И они любят меня. — Он слепо глядел на ровные стены казарм. — Мой оркестр, мой полк — они любят меня.

— Во всяком правиле есть свои исключения, — не отрывая взгляда от его лица, сказал я, — но

обычно солдаты, служащие под началом офицера-дорсайца, любят его.

— Я говорю не об этом. — Мигель продолжал упорно разглядывать серую казарменную стену. — Ни для кого здесь не секрет, что я решил никогда не брать в руки оружие, — с того самого дня, когда я подписал контракт и стал капельмейстером.

— Хорошо, — кивнул я. — Пусть будет так.

Он поднял на меня глаза и снова отвел их в сторону.

— Ты знаешь, как в этой сумасшедшей стране с ее непонятной культурой и извращенными традициями смотрят на трусов — людей, которые могут, но не хотят сражаться. Они делают все, чтобы уничтожить даже память о них на этой земле. Высшая доблесть мужчины — уничтожить труса. Но меня не трогают. Даже на дуэли не вызывают.

— Они не верят тебе.

— Не верят... — повторил он, и жестким, яростным стало его лицо. — Почему?

— Потому что они слышат лишь слова, — резко ответил я. — На каком бы языке ты ни говорил — слова есть занавес, за которым скрываются истинные мысли. Ты произносишь — «никогда не возьму в руки оружие», и они понимают — ты

настолько искусно владеешь этим оружием, что здесь тебе нет равных. По манере речи, даже по твоей походке они видят, что ты можешь, и не верят тебе. Как же иначе?

— Это ложь! — воскликнул в одно мгновение оказавшийся на ногах Мигель. — Я верю, и это свято для меня. С тех пор...

Он замолчал.

— Может быть, нам стоит продолжить учения? — как можно мягче произнес я.

— Нет! — резко бросил он. — Я обязан это сказать. Может, другой возможности не будет... Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь...

Мигель замер на полуслове. Он должен был сказать — «чтобы хоть кто-нибудь понял»... но не мог заставить себя произнести эти слова. А я не мог помочь ему. После смерти Элизы я научился выслушивать людей. И есть во мне нечто, безошибочно подсказывающее, когда нужно сказать, а когда промолчать, не помогать твоим собеседникам высказать то, что хотят, но не решаются произнести вслух. И сейчас я тоже молчал.

Несколько долгих секунд на лице Мигеля, как в зеркале, отражались следы яростной внутренней борьбы, но вот оно разгладилось, успокоилось — мир снова установился в его душе.

— Нет, — словно убеждая самого себя, повторил он. — То, что думают люди, ничего не значит. Вряд ли мы переживем завтрашний день, и поэтому я должен знать...

Он внимательно смотрел на меня.

— Я обязан объясниться и хорошо, что рядом оказался такой человек, как ты. Наши семьи живут одной жизнью, мы из одного кантона, нас окружают одни соседи, у нас одни предки...

— Ты никогда не думал, что не обязан никому ничего объяснять? — спросил я. — Когда родители поднимают тебя на ноги, они тем самым отдают долг своим родителям, не более. Хорошо, допустим, ты чувствуешь себя обязанным — и это спорный вопрос, потому что с тех пор, как Дорсай стал планетой свободных граждан, наш единственный и главный долг — добывать ей средства к существованию, заключая межпланетные контракты. Ты свой долг выполнил — стал капельмейстером. Все остальное — твои личные дела.

И это было правдой. Важнейшей обменной валютой в межпланетной торговле являлись не природные ресурсы, как вам мог ответить школьник, а рабочая сила. Товаром населенных миров служили знания, умения, навыки — то,

чем обладает отдельная человеческая личность. Средства, заработанные дорсайцем на Ньютоне, позволяли Дорсаю заключить контракт с ньютонским геофизиком или пригласить психолога с Культиса. Часть заработка дорсаец отчислял планете. Разумеется, полевой командир получает несравненно выше, но и как капельмейстер Мигель с лихвой окупил затраты на свое образование и подготовку.

— Не об этом я говорю, — начал он.

— Нет, — перебил я — ты говоришь о долге и чести и понимаешь их так, как принято среди нахарцев.

Он плотно сжал губы, его лицо напряглось.

— Из твоих слов я понял единственное — ты не желаешь слушать меня. Ну что же, я не удивлен...

— Ну вот и сейчас ты говоришь как настоящий нахарец. Не сомневайся, я выслушаю все, что ты захочешь мне сказать.

— Тогда присядем. — Он опустился на каменный выступ в стене, а я занял место напротив.

— Как ты думаешь, я счастлив? — спросил он и сам ответил:

— Да, я счастлив. А почему бы нет? Я получил все, что хотел. Я на военной службе, меня окру-

жает все, к чему я привык с рождения, у меня есть чувство, что живу той жизнью, к которой готовила меня семья. Я один из наших. Все, что я делаю, получается лучше, чем у многих, — в этом надежды моих нанимателей оправдались. А основной работой стала музыка — моя вторая любовь. Солдаты уважают меня, а полк гордится мной. Наконец, начальники ценят меня.

Кивая головой, я подтверждал справедливость каждого сказанного им слова.

— Но есть и обратная сторона медали. — Его пальцы сжали волынку, и она издала жалобный звук, похожий на стон.

— Твой отказ воевать?

— Да. — Он вскочил с места и, меряя шагами площадку, заговорил быстро, отрывисто, заметно волнуясь. — Отрицание насилия... Это чувство, оно жило во мне наравне с другими... Я мечтал о подвигах, о войнах и битвах, про которые рассказывали мне старшие. Когда я был молод, чувство это и мечты уживались рядом, не мешая друг другу. Так могло быть, потому что в мечтах на поле брани не проливалась кровь, а битвы выигрывались без единой жертвы. Неестественность уживающихся рядом чувств не пугала... все должно с возрастом как-то определиться. Так я

считал и верил. Тем более, за время обучения в Академии ты, конечно, никого не убиваешь.

— Ни один человек с нормальной психикой не скажет, что ему нравится убивать, — сказал я. — Все считают нас на голову выше остальных военных, потому что мы, дорсайцы, можем в большинстве случаев одержать бескровную победу там, где остальные горами трупов завалят поле сражения. Этим мы не только сберегаем деньга своим нанимателям, но, что гораздо важнее, разрушаем непременное условие войны — ее жестокость и остаемся людьми. Мерило доблести военачальника — не оставленные на поле брани трупы и не изувеченные тела его солдат. Помнишь слова Клетуса? Он ненавидел насилие так же страстно, как и ты ненавидишь его.

— Но он делал это! — Мигель повернулся, и я увидел осунувшееся, со скулами, обтянутыми кожей, лицо. — И ты сейчас будешь. И Ян, и Кейси.

Пожалуй, против этих слов Мигеля мне нечего было возразить.

— Видишь, — снова быстро заговорил он, — какая бездонная пропасть лежит между Академией и реальным миром. Ты уходишь в большую жизнь и рано или поздно начинаешь убивать. Если ты держишь в руках меч, то придет время, и

ты будешь убивать этим мечом. Когда я закончил Академию и получил право надеть офицерскую форму, пришло время делать выбор — и я его сделал. Я не мог причинять никому боль, если даже моя жизнь зависела от этого. Но в то же время я чувствовал себя солдатом и только солдатом. Меня так воспитывали. Я не хочу другой жизни, я люблю такую жизнь и не понимаю, как можно жить иначе.

Неожиданно Мигель замолчал. Он стоял и смотрел на степь и переливающиеся вдали огни мятежного лагеря.

— Вот и все, — вздохнул он.

— Да, — тихо согласился я. И тогда Мигель повернулся, и наши взгляды встретились.

— Ты расскажешь моим родным? — спросил он. — Если тебе повезет больше, чем мне, и ты вернешься домой — расскажешь?

— Да, я расскажу... Но нам еще рано думать о смерти.

Он улыбнулся. Его неожиданная улыбка была грустной.

— Я знаю. Все это камнем лежало на душе... сейчас стало легче. Я не утомил тебя?

— Нет, все нормально.

— Спасибо.

Как бы пробуя на вес, он приподнял gaita и посмотрел на нее, словно пытался вспомнить, почему она оказалась в его руках.

— Через пятнадцать минут сюда придут солдаты, — сказал он. — Я постараюсь справиться один, а у тебя освободится время для других дел.

— Не хочешь ли ты сказать... — начал я, подозрительно разглядывая Мигеля, — что без меня твои трубачи и барабанщики начнут быстрее постигать военные науки?

— Ты почти угадал, — ответил Мигель и рассмеялся. — Ко мне они привыкли, а при тебе нервничают, все валится у них из рук, они злятся на самих себя и еще больше ошибаются. Не знаю, как на это посмотрит Ян, но поверь, я понимаю своих солдат и думаю, с одним начальником учеба пойдет быстрее.

— Главное — получить результат. Пойду к Яну, попрошу другой работы.

— Еще раз спасибо, — снова повторил он, и столько искреннего облегчения послышалось в этих простых словах благодарности, и такое неожиданно сильное ответное чувство всколыхнулось в моей душе, что не нашел я ответа, а лишь молча помахал ему рукой.

После долгих блужданий по коридорам каби-

нет Яна я все-таки нашел, но вот хозяина в нем не оказалось. Не зная, что делать, какое-то время я стоял в раздумье, пока не пришла в голову здравая мысль: Падма, Кейси или Аманда наверняка работают у себя, и они-то уж точно знают, куда исчез командир.

Снова отправился на поиски, и на этот раз мне повезло: за заваленным топографическими картами столом я нашел Кейси.

— Ян? — рассеянно переспросил он. — Нет, не знаю. Наверное, скоро вернется... Да, сегодня ночью мне потребуется твоя помощь. Нужно заминировать горный склон. Это сделают люди Мигеля, но, чтобы они могли работать спокойно, придется нам с тобой немного прогуляться. Если понадобится, «очистим» склон от возможных наблюдателей. Потом, где-то до рассвета, пойдем к лагерю и на месте, хотя бы приблизительно, определим, сколько их там, чем вооружены и так далее...

— Вот и отлично. Я выспался на сто ночей вперед и теперь готов к любому заданию.

— А что касается Яна, попробуй спросить у экзота или Аманды.

— Спасибо, так и сделаю.

Через две двери от кабинета Кейси, в большом

зале, за длинным столом с распечатками каких-то текстов и мерцающим экраном монитора, я нашел тех, кого искал. Стоило мне приоткрыть дверь, как две пары глаз уставились на непрошеного гостя, и если в глазах Падмы застыл вопрос, то Аманда просто скользнула по мне взглядом, в котором читалось явное нежелание отвлекаться от поглотившего ее без остатка, крайне важного, не терпящего отлагательства дела.

— Один вопрос... — нерешительно начал я.

— Я сейчас выйду, — ответил Падма и, уже обращаясь к Аманде, добавил:

— Продолжай.

Аманда без лишних слов снова занялась глубокомысленным созерцанием мигающего экрана, а Падма поднялся со своего места, вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Я ищу Яна.

— Совершенно не представляю, где он может быть, — пожал плечами Падма. — Где-то вокруг Гебель-Нахара... следовательно, везде.

— Та-ак, значит, не здесь, — протянул я и, кивком головы показывая на закрытую дверь, спросил:

— Не получается у Аманды с решением?

— Совсем не обязательно так думать, — улыб-

нулся он и обвел взглядом комнату с окном во всю стену и рядом тяжелых кресел — неизменными атрибутами всех кабинетов Гебель-Нахара.

— Почему бы нам не присесть... Если Ян будет возвращаться к себе, он непременно пройдет мимо нас, а если появится на террасе, мы увидим его в окне...

— Пожалуй, будет не совсем правильно говорить, что Аманда занята поиском юридических аспектов решения вставших перед нами проблем, — начал Падма, стоило каждому из нас занять свое кресло. — Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— К сожалению, о ее работе я имею весьма и весьма смутное представление. Знаю лишь, что ее специальность появилась, когда при заключении контрактов дорсайцы все чаще стали сталкиваться с тем, что договаривающаяся сторона в одни и те же слова вкладывает полностью противоположный смысл или, в отличие от нас, имеет совершенно иное представление о долге и чести.

— Я знаю, — улыбнулся Падма.

— Извините, я, кажется, увлекся.

— Как посланнику мне часто приходится сталкиваться с проблемами, над разрешением

которых сейчас бьется Аманда. Я живу среди людей, не принадлежащих к мирам экзотов, и моя задача заключается в точном определении, как эти люди понимают нас и как, в свою очередь, мы понимаем их. Вот почему я имею смелость утверждать, что многие из проблем нельзя рассматривать только с точки зрения юридической законности.

— Например? — спросил я, чувствуя неожиданный прилив интереса.

— Пожалуй, ты сможешь яснее представить закономерность причин и следствий, если я скажу, что Аманда ищет ответы в социальной области.

— Юридическая, социальная — это все понятно. Не далее как сегодня утром Ян говорил, что решение, безусловно, есть, но найти его за столь короткое время — вот в чем задача... Значит, если я его правильно понял — даже такой клубок противоречий можно будет распутать и найти правильное решение?

— Всегда можно, и даже не одно, — ответил мне Падма. — Но проблема заключается в том, чтобы найти решение, которое предпочтете или, скажем так, примете вы. Социальные конфликты создаются человеком, а значит, при определенном воздействии человеком же могут

быть и предотвращены. Но стоит событию свершиться, тогда, увы, оно становится достоянием истории. — Падма улыбнулся. — А историю, как известно, мы изменить не в силах. Изменение ожидаемого события предполагает выделение основных, вовлеченных в это событие сил и приложение определенных усилий для развития их в нужном тебе направлении. А для того чтобы выявить эти силы, найти способ воздействия и точку его приложения — требуется время.

— А у нас этого времени как раз к нет.

Улыбка медленно сползла с губ Падмы.

— Да, у вас этого времени... действительно нет.

Я внимательно вгляделся в лицо Падмы.

— В таком случае, не пора ли вам самому подумать, что настало время покинуть Гебель-Нахар? Думаю, не ошибусь, если скажу: едва нахарцы ворвутся сюда, они будут убивать, не разбираясь, кто перед ними. Или ваша ценность для Мары настолько мала, что вы предпочтете покончить счеты с жизнью под ножами опьяненной кровью солдатни?

— Хотелось бы думать, что я действительно такая важная персона, — сказал Падма. — Но видишь ли, возникшие здесь проблемы, по нашему мнению, вышли за рамки местного, я бы сказал

— планетарного — явления. Онтогенетики в своих разработках выявили ряд личностей, которые в определенных обстоятельствах потенциально могут оказать влияние на ход исторического развития. Конечно, тут возможны ошибки, причем весьма существенные, но мы считаем, что в любом случае ценность информации, полученной при непосредственном общении с такими людьми, достаточно велика, и это заставляет отбросить все прочие соображения.

— Влияющие на ход истории? Вы говорите о Уильяме? Кто может быть еще — ведь не Конде? Или кто-нибудь из лагеря революционеров?

Падма покачал головой.

— Если объявить, что вот такие-то индивидуумы способны влиять на ход исторических процессов, мы добьемся лишь того, что посеем предрассудки в окружающей их социальной среде и внесем полнейшую неразбериху в собственные выводы, так как наша наука далеко не бесспорна и зачастую приводит к ошибочным заключениям.

— Подождите, подождите, так просто я теперь от вас не отстану. То, что вы находитесь здесь, должно означать, что исследуемый вами индивидуум тоже находится в Гебель-Нахаре. Вряд

ли это Ковде. Как бы ни сложились обстоятельства, дни его уже сочтены. Значит, остаемся мы. Если бы не странное желание поглубже зарыть свои способности, Мигель мог бы стать вполне достойной кандидатурой. Я — не из тех, кто переписывает историю заново. Значит, остается Аманда? Кейси? Ян?

Грустно смотрел на меня Падма.

— Все вы способны влиять на ход событий, но кто больше, а кто меньше — я не скажу, потому что и сам не знаю. Онтогенеткка — наука не точная. Ну а на вопрос — за кем наблюдаю, отвечу: за всеми.

Мягким, деликатным тоном произнесены были эти слова, но чувствовалась в них такая непреклонная твердость, что продолжать далее расспросы не имело смысла. Я выглянул в окно: Ян до сих пор не появился.

— Тогда, может быть, поясните, как Аманда или вы ищете решения? — спросил я.

— Мы уже говорили, что главное — добраться до первооснов вовлеченных и действующих в конфликте сил...

— Это ранчеры и Уильям?

Падма кивнул, соглашаясь.

— Но на первое место как основную, движущую

силу я бы поставил Уильяма. Чтобы добиться желаемого результата, или он, или кто-то другой, управляя действиями отдельных индивидуумов, должны создать соответствующую их целям причинно-следственную структуру. В нашем случае, чтобы добиться обратного результата и взять под собственный контроль уже приведенные в действие силы, необходимо найти уязвимое звено этой структуры и путем воздействия на тех же индивидуумов приложить в эти точки силы противодействия.

— И Аманда пока не в состоянии найти эти точки?

— Уже нашла, причем не одну. — Падма нахмурился, но в глазах его запрыгали веселые искорки. — Я готов рассказать все добровольно, так что не стоит терзать меня как бы случайными вопросами.

— Извините, — смутился я.

— Ничего, ничего. Итак, я остановился на том, что Аманда нашла несколько уязвимых точек. Но если Гебель-Нахар будет атакован завтра, за оставшееся время воздействие ни на одну из них не даст желаемого результата.

У меня возникло странное ощущение: как будто перед самым носом медленно захлопнулись

тяжелые ворота, навсегда лишив возможности проникнуть за них.

— Мне кажется, — заявил я, — что самое простое решение — оказать давление на Конде. Если бы он вступил в переговоры с мятежниками, ситуация могла бы развалиться, как карточный домик.

— Очевидные решения зачастую не бывают самыми простыми, — возразил Падма. — А ведь и ты считаешь, что Конде никогда не изменит своего решения... Ответь мне — почему, только не торопись, подумай.

— Он нахарец. Причем в нем очень сильны испанские корни. El honor — честь запрещает ему даже самую малость уступить тем, кто изменил присяге, тем, кто был лоялен по отношению к нему, а теперь готов уничтожить и его самого, и все, что он олицетворяет.

— А скажи мне, — внимательно глядя мне в глаза, спросил Падма, — даже если честь его будет удовлетворена, захочет ли он иметь дело с мятежниками?

— Нет, — твердо сказал я, потому что уже думал над этим и где-то подсознательно чувствовал верный ответ. И сейчас, в беседе с Падмой, все начало постепенно становиться на свои места,

выходить из ночных сумерек неведения на ясный солнечный свет знания. — Это «звездный час» Конде. Единственная возможность избавиться от своего унизительного положения, сделать свой титул настоящим. Только так можно доказать себе и окружающим, что в твоих жилах течет голубая кровь испанского гранда. И ради этого старик готов отдать свою жизнь.

Некоторое время никто из нас не проронил ни слова.

— Значит, это ты понимаешь, — наконец произнес Падма. — Ну что же, продолжай дальше. Какие еще ты видишь пути к решению?

— Ян и Кейси могут расторгнуть контракт и выплатить неустойку. Но не хотят. Причем знают, что ни один из дорсайских военных, прекрасно понимающих безвыходность ситуации, не рискнет оскорбить их. Братья не оставят Конде, пока тот настаивает на продолжении борьбы. Если для Конде естественно играть в игры со своей el honor, то для Гримов даже мысль о нарушении данного слова кажется кощунственной. Правила их жизни противны нарушению законов чести.

— Есть ли еще пути?

— Не вижу других, — коротко ответил я. — Из меня никудышный аналитик, наверное, потому

никто и никогда не предлагал мне заняться тем, чему посвятила свою жизнь Аманда.

— На мой взгляд, существует еще ряд возможных решений, — начал Падма — спокойно и рассудительно, словно школьный учитель в классе. — Можно оказать на Уильяма экономическое давление; ослабить политическую и экономическую власть ранчеров; подорвать авторитет и влияние революционных смутьянов... но, к сожалению, все это требует времени.

— Если я правильно понял, решений, на которые есть время, просто не существует? — наверное, излишне резко спросил я.

— Нет, это неверно. Полностью неверно. Если бы мы могли в эту самую секунду остановить бег времени и в продолжение нескольких гипотетических месяцев спокойно исследовать ситуацию, то, без сомнения, нашли бы не одно, а несколько решений и предотвратили бы штурм мятежных полков за те часы, что нам остались в реальности. Мы лишены не времени, за которое нужно ввести в действие наши контрмеры, хотя, конечно, и оно накладывает на них определенный отпечаток. У нас нет времени, чтобы найти правильное решение.

— Значит, всем нам и еще сорока музыкан-

там Мигеля осталось дожидаться штурма почти шести тысяч солдат регулярной армии — хотя это нахарская армия — и успокаиваться мыслью, что где-то там существует замечательное, правильное решение, и если бы у нас хватило интуиции его найти, то никакой атаки никогда бы не случилось?

— Интуиция и время, — произнес Падма. — Да, пожалуй, ты прав. Это грустная проза жизни — реальность, с которой мы все время сталкиваемся в истории с тех пор, как история начала свой отсчет времени.

— Реальность... но, по правде говоря, не хочу я смиряться с такой реальностью.

— Да. — Спокойный, безучастный взгляд Падмы скользнул по моему лицу. — И Аманда не хочет. И Кейси с Яном. Подозреваю, что и Мигель не хочет. На то вы и дорсайцы.

Я промолчал. Немного теряешься, когда твои аргументы бьют твоим же козырным тузом.

— В любом случае, — продолжил Падма, — никто не призывает вас к смирению. Аманда все еще работает. И Ян, и все вы не оставили надежду. Прости, я не собирался насмехаться над вашими чувствами. Я завидую вам — целые миры завидуют вам. Завидуют вашему мужеству

и способности не сдаваться в самой безнадежной ситуации. Мы знаем о существовании решения, но это ничего не изменит. Вы ведь все равно будете делать то, что считаете нужным. Ведь правда?

— Истинная правда, — начал я... и в этот момент нашу беседу прервали.

— Падма? — из встроенных в стены динамиков раздался голос Аманды. — Мне очень нужна ваша помощь.

Падма поднялся.

— Нужно идти, — сказал он.

А я остался сидеть, не двигаясь, охваченный легкой грустью — непременной спутницей всех прожитых мною лет. Это чувство, по моему глубокому убеждению, вдали от дома преследует всех дорсайцев. Просто понимаешь порой, что одинок и жизнь не бесконечна, а еще так много нужно успеть сделать.

Из меланхолического состояния вывели меня звуки стремительных шагов Яна.

Я встал.

— Корунна! — воскликнул он, жестом приглашал меня в свой кабинет. — Как идут дела с подготовкой «войск»?

— Как ты и ожидал... Мигель попросил оставить его одного. Считает, что мое присутствие отвле-

кает солдат, а у него одного дела пойдут веселее.

— Может быть, наш юный друг прав, — не стал возражать Ян.

Он подошел к окну и стал сосредоточенно разглядывать склон. Моего роста оказалось явно недостаточно, чтобы поверх высокого парапета увидеть происходящее на нижней террасе, и оставалось лишь догадываться, что Ян смотрит именно туда.

— Впрочем, дела у них идут совсем не плохо, — не отрывая взгляда от окна, наконец произнес он.

Чтобы чем-то себя занять, я стал разглядывать его рабочий стол и обнаружил объемную фотографию, о которой говорила Аманда. Женщина была явно не дорсайкой, но стоило вглядеться внимательней, и в ней угадывались черты, так присущие нашим женщинам. Стройное, сильное тело, темные, спускающиеся до плеч волосы — немного длиннее, чем носят дорсайки.

Я снова взглянул на Яна. Он уже отвернулся от окна и стоял ко мне вполоборота, смотря на стену, за которой сейчас должны были работать Аманда и экзот. Нахарское солнце, проводя четкую грань света и тени, освещало половину его лица, и от этого оно казалось немного усталым. Слегка

опущенные плечи тоже говорили об усталости — скорее духа, чем тела.

— Я только здесь узнал про Лию, — с одной целью вернуть его из мира мыслей к реальности произнес я.

Медленно, словно просыпаясь после тяжелого сна, он повернулся ко мне.

— Лия? О да. — Взгляд его равнодушно скользнул по фотографии. — Да, она землянка. Когда все это закончится, я заберу ее, а через два месяца мы поженимся.

— Так скоро? — удивился я. — По правде говоря, даже не слышал, что Ян Грим влюбился.

— Влюбился? — Он по-прежнему смотрел на меня, но я чувствовал, что мысли его далеко. — Нет, влюбился я много лет тому назад.

И вдруг разительная перемена — он снова здесь, со мной, полон энергии и жажды деятельности.

— Не стой, садись, — бросил Ян, усаживаясь в свое кресло. — После завтрака ты говорил с Кейси?

— Да, мы немного поговорили.

— Когда стемнеет, будут две вылазки. Ему понадобится твоя помощь.

— Я уже знаю. Проверка склона перед минированием и разведка неприятельского лагеря: как

готовятся к завтрашнему утру и прочее.

— Все правильно, — подтвердил Ян.

— У тебя есть хотя бы приблизительные данные — сколько их может быть там?

— По штату, включая офицеров, получается где-то немногим более пяти тысяч — точнее пять тысяч двести и еще чуть-чуть. Добавь всякий сброд, искателей приключений и тех, кто примкнул к революции из корыстных побуждений, а также тех, кого манит запах славы... призрачный запах личной славы. Еще найдется семь-восемь сотен пламенных революционеров. Эти цифры я получил от Падмы. Экзоты, оказывается, «вели учет» тех, кто действительно боролся, пытаясь ослабить железную хватку ранчеров. И плюс сотня-другая агентов-провокаторов из-за границы.

— Пожалуй, всех необученных можно не брать в расчет, как ты считаешь?

Ян молча кивнул.

— А сколько солдат регулярной армии имеют настоящий боевой опыт?

— Под боевым опытом в этой части Сеты, — усмехнулся он, — подразумевается участие в одной, от силы в двух пограничных стычках с отрядами соседей. В лучшем случае один солдат из десяти имеет такой опыт. С другой стороны,

каждый мужчина — а особенно если этот мужчина — нахарец — мечтает стать участником столь драматических событий.

— Значит, первая атака будет самой яростной.

— И я, и Кейси — мы оба тоже так думаем. Рад слышать, что ты разделяешь наше мнение. Все пойдут в первую атаку — не только следуя долгу солдата, а желая превзойти в геройстве своих товарищей. Если удастся справиться с первой, очень вероятно, что во второй отважатся участвовать уже далеко не все. Главная задача — отбиться от первой волны. Когда их много — все они храбрецы. Но с каждой новой захлебнувшейся атакой доблесть начнет покидать их сердца. А мы будем убивать их, и тогда пусть думают — так ли они хотят подохнуть здесь, за этой стеной, когда сойдутся с нами лицом к лицу.

— Хорошо. Как ты думаешь, сколько выступит против нас?

— По меньшей мере, одного из пятидесяти остановит только смерть, — спокойно ответил Ян. — Если половину мы выбьем еще на подходе, считай, останется человек шестьдесят. При этом процентов тридцать потеряем сами. Это самая оптимистическая цифра, не надо забывать, что наши воины, может быть, и отличные трубачи,

но солдаты из них никакие. Если банда мятежников все-таки доберется до стен, наши музыканты, в лучшем случае, смогут драться один на один. Падму из нашего списка я естественно исключаю, значит, на тебя, Кейси, Мигеля и Аманду придется порядка тридцати человек. Как у тебя со здоровьем, форму еще не растерял?

Я усмехнулся.

— Вот и прекрасно, — сказал Ян. — Прошу, улыбайся вот так, когда они приблизятся. Пару секунд передышки, пока они будут приходить в себя, нам гарантировано.

Я рассмеялся.

— Если Мигелю ты больше не нужен, зайди к Кейси.

Кейси я застал все в той же позе за столом, на котором, кроме карт, появились фотографии и распечатки.

— Встретил его? — спросил он, поднимая на меня глаза.

— Да, и Ян сказал, что ты горишь желанием занять меня делом.

— Могу, присаживайся.

Мы работали вместе всю вторую половину дня. Так называемые крупномасштабные топографические карты из военной библиотеки, на наш

взгляд, могли служить лишь путеводителями для туристов. А Кейси должен был знать, как выглядит каждый участок земли, метр за метром, начиная от крепостной стены и далее вниз по склону, включая пару сотен метров равнины. Имея такую информацию, вполне можно представить, по какому сценарию будет развиваться атака, сколько солдат окажется в первых рядах, какие естественные преграды могут приостановить штурмующих, где возможна свалка, если на бегу, в суматошной давке, кто-нибудь поскользнется, оступится, упадет.

Трудно было ожидать от нахарских карт подобной точности, вот почему все утро Кейси провел за встроенными в крепостные стены видеокамерами, снимая на пленку участки площадью три на три метра. Используя полученные фотографии, мы теперь исправляли и дополняли никчемные карты.

Работали до самого вечера, а когда закончили, то без ложной скромности могли считать, что досконально изучили окрестности Гебель-Нахара и не только с точки зрения нападающих, но и как защитники, которым сегодня ночью собственными животами придется проверять практическую ценность приобретенных знаний. А пока ночь

не наступила, мы, сложив карты, отправились ужинать.

Время ужина уже подходило к концу, а кроме нас и Яна, в зале никого не было. Мигель все еще пытался превратить своих солдат в боевую группу, а наши ученые одиннадцать часов без перерыва продолжали искать ускользающее решение.

— Пойдите поспите немного, — предложил Ян. — Если все сложится удачно, до рассвета можно будет прихватить еще пару часов, но я бы не советовал сильно на них рассчитывать.

— Хорошо, — кивнул Кейси. — Думаю, и тебе отдых не повредит...

Брат смотрел на брата. Они знали друг друга до последней черточки, понимали с полуслова. Все решили мимолетным обменом взглядами; и теперь их мысли были уже далеко.

Проспал я целых три часа, а в десять по местному времени мы с Кейси уже покидали Гебель-Нахар.

Я думал, что придется спускаться по веревке со стены Гебель-Нахара. А вышло все гораздо проще, но зато таинственней.

В полной экипировке, с лицами и руками, намазанными черной краской мы шли за Мигелем

по мрачным подземным казематам, а потом по туннелю, который, если верить словам нашего провожатого, должен был вывести нас метров на пятьдесят от крепостной стены прямо на равнину.

— Как ты узнал об этом ходе? А если здесь еще есть подобные туннели? Знают об этом ли мятежники? — забросал я его вопросами.

— Других нет, а об этом не узнают, — объяснил мне Мигель, пока, держась за стены, двигаясь друг за другом, мы все ниже и ниже опускались в недра Гебель-Нахара. — О туннеле знает один Конде, еще его отец соорудил этот туннель тридцать восемь местных лет назад. А наш Конде, когда узнал, что армия его предала, открыл семейную тайну мне...

Чувствовалось по всему, что между стариком и Мигелем установились полные взаимной симпатии, доверительные отношения, о причинах возникновения которых все не хватало времени спросить. Может быть, так непохожие на всех остальных в Гебель-Нахаре, они больше других страдали от одиночества?

Наконец туннель закончился у короткой деревянной лестницы, что вела к круглому металлическому люку. Мигель выключил свет, и

неожиданная, непроглядная тьма окутала нас. Я ничего не видел, а мог только догадываться, что наш провожатый включил поворотный механизм, по всей видимости хорошо смазанный, так как до наших ушей доносилось только легкое, едва различимое пощелкивание. Крышка медленно отодвинулась, открывая круг ночного неба, усеянного звездами.

— Можно выходить, — прозвучал свистящий шепот Мигеля. — Осторожней головы, наверху кусты с острыми колючками.

И мы с Кейси пошли. Я, как персона менее значительная, впереди, а он чуть сзади. Колючки не поранили меня, хотя не один раз, продираясь ползком сквозь стену густой растительности, слышал я их противный скрежет о плотную материю моего боевого комбинезона. Позади нас с мягким стуком захлопнулась крышка люка. Мигель снова откроет ее через два часа четырнадцать минут.

Я почувствовал осторожное прикосновение — это Кейси догнал меня и дотронулся до плеча. Повернув голову, увидел я на фоне звездного неба очертания его поднятой руки. Жестом показав, что пора расходиться, он еще раз прикоснулся к моему плечу и растворился в ночном мраке. А я

развернулся и, еще теснее прижимаясь к земле, пополз в противоположном направлении.

Признаться откровенно, я уже забыл, что значит ночная вылазка. «Быть всегда в отличной физической форме» — вот девиз, с которым воспитывалось не одно поколение дорсайцев. Это образ жизни, начинающийся с колыбели и становящийся таким же естественным, как мытье рук или чистка зубов.

Может быть, поэтому в нашем мире так много людей доживает до глубокой старости, не говоря о тех, кто, как в семействе Аманды, еще и выглядит гораздо моложе своих лет. Но даже самые интенсивные занятия не дают блестящих результатов, если ты не проверяешь свои возможности практикой.

Ян был прав, когда — нужно отдать ему должное — достаточно мягко подтрунивал над моими физическими возможностями. Самые лучшие спортивные тренажеры на борту самого большого из линейных галактических крейсеров не сравнятся с тем, что может ждать воина в полевых условиях. Моя служба — просторы Вселенной, и все прекрасно понимают, что годы, проведенные в полетах к звездам, сказываются на возможностях человеческого тела, которое, хотел

бы ты того или нет, «ржавеет», становится менее гибким и послушным. И сейчас — один в ночи, лежа на земле, я ощущал свой вес, чувствовал, как тяжело дается каждое мускульное усилие.

Кейси досталась левая часть склона, а я полз по правой половине, метр за метром исследуя его, сравнивая участки ландшафта с тем, что запечатлелось в памяти по фотографическим снимкам. Ночной ветер холодил кожу, и потому казалось, что ты плывешь в невидимом океане, под бездонным, без единого облака небом. Наверное, нам не помешал бы свет луны, но, к сожалению, Сета вполне обходилась без нее.

Минут через пятнадцать я достиг первой из девяти предполагаемых позиций, которые могли занять лазутчики-наблюдатели из неприятельского лагеря. Выбирали мы эти позиции исходя из опыта, знания психологии и здравого смысла. Пожалуй, даже самые опытные дозорные, получив задание следить за объектом, подобным Гебель-Нахару, от которого вряд ли можно ждать активных действий, почувствовали бы, как бесконечно долго тянется время. Особенно если эти долгие часы нужно провести на голой равнине холодной темной ночью. В таких условиях даже у самого бдительного возникает предательская

мысль, что ничего не случится, и тогда он инстинктивно ищет самое удобное, закрытое со всех сторон место и с этой позиции продолжает вести свое томительное наблюдение. Но в укрытии, что в памяти моей значилось под номером один, было пусто, и пришлось отправляться еще дальше.

Вот тут я и ощутил первые признаки наступающих перемен. Тело мое, постепенно привыкая к физическим усилиям, темноте и ночной прохладе, перестало быть упрямым. Наоборот, я начал испытывать радость движения. Старые навыки проснулись во мне. Глаза мои привыкли к блеклому мерцанию звезд, и теперь мне казалось, что я вижу так же хорошо, как и при ярком дневном свете.

Со слухом происходило то же самое. То, что раньше казалось невообразимой какофонией непонятных и тайных звуков, распалось на отдельные мелодии, легко различимые, ясные и четкие в главенствующей тишине ночи. Я слышал шорох ветвей кустарника, движение ветра в его листьях и отличал эти звуки от шороха скрывающихся в корках степного суслика или мыши. Более того, я не только все это чувствовал, я как бы стал с ними одним целым — полноправным обитателем сетанской ночи.

Как было восхитительно ощущать близость и единство с природой, в этом тихом блуждании по земле, освещенной спокойным мерцанием звезд. Ветер, ароматы, звуки — все это переполняло меня, и неожиданно в сознании своем перестал я представлять себя, как физическое тело. Я забыл Гебель-Нахар, я забыл, что я человек... Кажется, я даже забыл Элизу.

А потом чувство долга вернуло меня к действительности. Ни в одном из укрытий, так же как и на всем правом склоне, лазутчиков не было. Совершенно необъяснимо, но мятежники не потрудились выставить своих дозорных. Может быть, Ян и все остальные, считающие утреннюю атаку неизбежной, ошибаются и у нахарцев нет намерения наступать?

Я вернулся к замаскированному входу в туннель, где меня уже дожидался Кейси. Молча, знаками рук он показал, что и в его части склона не встретилось ни одной живой души. Таким образом, мы спокойно могли вывести в поле наших музыкантов и приступить к минированию.

Вход туннеля открылся в точно условленное время. Мы спускались в кромешной темноте, осторожно нащупывая деревянные ступени, но стоило люку над нашими головами захлопнуть-

ся, как зажегся свет.

— Что нашли? — поинтересовался Мигель, пока мы приводили в порядок свое снаряжение.

— Ничего, — ответил Кейси. — Они нас за людей не считают и ничего от нас не ждут. Мины успели приготовить?

— Так точно, — по-военному четко доложил Мигель. — Если за стенами все спокойно, может быть, выпустим людей через основные ворота? Я обещал Конде никому не рассказывать про туннель.

— Ты прав, — кивнул Кейси. — Чем меньше народа будет знать об этом пути в крепость, тем для нас будет спокойней. Давайте трогаться — слишком много дел впереди.

Мы собрались в рабочем кабинете Кейси; к нам присоединилась Аманда, позволившая себе короткий перерыв в тщетных попытках найти правильное решение в водовороте социальных конфликтов под названием нахарская революция. Все внимательно слушали Кейси и меня о результатах ночной охоты.

И снова странные мысли возникли в моем сознании.

— Что-то произошло в лагере, — решил я вслух высказать мучившие меня сомнения. — Могло

что-то случиться, и они отказались от атаки.

Кейси и Ян настолько дружно замотали головами, словно и не думали, а лишь бессознательно подчинились только им одним известному инстинкту. По своему опыту я уже знал, что, если эти двое выказывают такую уверенность, значит, всем остальным можно не сомневаться — все будет так, как считают Гримы.

— Я своих еще не поднимал, — сообщил Мигель и, встретившись глазами со взглядом Яна, быстро добавил:

— После напряженных занятий им нужно хорошо отдохнуть. Сейчас дневальный объявит подъем, и через полчаса они будут на склоне. Если работать поочередно с короткими сменами на еду и отдых, то к рассвету все мины окажутся на своих местах.

— Хорошо, — кивнул Ян.

А я сидел и молча переводил взгляд с него на остальных дорсайцев. Ощущение единства с ночью не оставило меня, обнажив каждый нерв моего тела, выше пределов возможного обострив чувственное восприятие. Я был словно дикий зверь, попавший в мир глухих стен. Лампы под потолком неестественно ярким светом слепили и раздражали глаза. Казавшийся некогда таким

свежим воздух комнат отравляли чужие, враждебные моему звериному чутью запахи пыли и машинного масла из труб вентиляции... а над всем этим царил запах множества собранных вместе человеческих тел.

И с такой же остротой я понимал, что чувствуют эти люди.

Все они смертельно устали — все и каждый по-своему. Физическая усталость обнажила то, что скрывалось в их истомленных душах... и там тоже почти ничего не осталось, кроме нечеловеческой усталости и напряжения последних дней...

— ...тогда, пожалуй, не будем терять дорогого времени, — донеслись до меня слова Яна. — Аманда, нам с тобой пора переодеваться. Из оружия — только нож и пистолет.

Слова Яна вернули меня к восприятию действительности.

— Ты и Аманда? — удивленно переспросил я. — Мне казалось, что к лагерю пойдут Кейси, я, Мигель и Аманда.

— Так было запланировано, — ответил Ян. — Но только что один из губернаторов вылетел к нам на аэролете. Он уже сообщил, что желает говорить с Кейси и более ни с кем.

— У него есть реальные предложения?

— Может быть. — На лице Кейси не дрогнул ни один мускул. — Я не питаю особых иллюзий на этот счет, но, с другой стороны, пренебрегать такими контактами мы не имеем права. Я остаюсь, а с вами пойдет Ян.

— Мы вполне можем отправиться втроем, — сказал я.

— Вы, конечно, справитесь, но поверьте, что хуже, чем вчетвером, — возразил Ян. — Лагерь большой, а делать все придется крайне быстро. Если, кроме нас, найдутся еще такие, кто бы смог незамеченным войти, а также выйти оттуда, я бы взял и полдюжины. Это ведь не обычный лагерь, где существует лишь одна штабная зона. Нам придется проверить штабы всех полков, а их ровно шесть. Пойди лучше что-нибудь поешь, Корунна. Мы можем не вернуться до самого рассвета.

Я не преминул последовать доброму совету, а когда вернулся, все трое разведчиков ждали меня в кабинете Яна, уже полностью экипированные и готовые к походу. С правого бедра Мигеля свисал длинный нож, но для нас это скорее был рабочий инструмент. Другого оружия я у него не заметил, Ян, кажется, и не думал возражать. В тяжелых сапогах, в боевом комбинезоне, с раскрашенным черным лицом и руками и в плотно натянутой

на лоб, закрывающей волосы шапочке Аманда показалась мне гораздо выше и мощнее, чем в своей повседневной одежде.

— Все в порядке, — произнес Ян. Перед ним лежала карта, составленная на основании съемки наших видеокамер и рассказов Мигеля о порядках построения нахарской армии.

— Давайте руководствоваться боевым опытом, — обратился к нам Ян. — Я возьму на себя два полка — вот этот и этот, оба в центре. Мигель, поскольку еще не должен был забыть, чему учат в Академии, а также потому, что знает этих людей, возьмет тоже два полка, но на левом фланге. Один из них, как я понимаю, его родной, Третий полк. Ты, Корунна, определишь обстановку во Втором полку, а Аманде останется Четвертый. Я говорю об этом сейчас — вдруг мы не сможем обсудить детали на месте.

— По-моему, тебе и Мигелю лучше выбрать соседние полки, — предложил я Яну. — Быстро разобраться в обстановке двух полков не так-то просто, а вы могли бы работать в паре.

— Яна интересует Пятый полк, — вступил в разговор Мигель. — Пятый Гвардейский — у него самое лучшее вооружение. Мой полк и этот традиционно враждуют между собой, вот почему их

развели как можно дальше друг от друга. Пятый занял позицию в центре, а Третьему достался самый дальний фланг.

— Еще что-нибудь есть? — спросил Ян. — Если нет, тогда тронулись.

Вышли мы все через тот же тайный туннель, но на этот раз люк пришлось оставить полуоткрытым. На равнине разделились и, держа дистанцию метров в десять, бегом начали свой путь к мерцающим в далекой ночи огням лагеря.

Нам потребовалось чуть больше часа, прежде чем мы достигли границ лагеря. С каждым новым пройденным метром все громче становились звуки его жизни, и то, что наконец предстало перед нами, менее всего напоминало военный лагерь накануне сражения, а скорее вечеринку под открытым небом.

Лагерь, расположенный на голой равнине полукругом, был застроен обычными для походных лагерей пластиковыми, похожими на ульи строениями. Изготовленные из легкого надувного материала, они легко и быстро разбирались и собирались. За ними в живописном беспорядке теснились разномастные, всевозможных конструкций и размеров обыкновенные палатки.

Мы стояли всего в сотне метров, а могли подой-

ти еще ближе, говорить в полный голос, кричать, снять защитную форму и все равно чувствовать себя в полной безопасности, — так, словно находились не на виду многотысячного лагеря, а за высокой каменной стеной.

— Сбор на этом месте через сорок минут, — объявил Ян, и, сверив часы, мы растаяли во мраке ночи.

Моя цель — Второй полк — расположился между полками Яна и Мигеля. Двигаясь в тени пластиковых домиков, я беспрепятственно преодолел их первую линию. Это оказалось до смешного просто. Далее, изучая обстановку, я понял, что, сменив свой черный комбинезон на обычный костюм нахарца, вполне мог бы ходить совершенно открыто где угодно. И все благодаря мужчинам в штатской одежде, снующим повсюду наравне с военными, причем было очевидно, что лишь малая толика гражданских известна солдатам в лицо и по имени. Если бы на меня обратили внимание — так только из-за боевого маскировочного костюма.

Но как раз этого я боялся в самую последнюю очередь. Снующие повсюду люди не видели того, что происходило чуть дальше их собственного носа. Оставаться невидимым в подобном

окружении означало: ты передвигаешься очень спокойно и размеренно, то есть все в тебе, включая дыхание, следует подчинить единому ритму, а если уж остановился, то должен полностью расслабиться и замереть в том же положении, в котором тебя застала вынужденная остановка.

Правильное дыхание, как в положении покоя, так и при движении, играет чуть ли не главную роль. Этому дорсайцы обучаются в детских играх, еще задолго до того, как настает время отправляться в школу. Двигайся плавно, останавливайся внезапно — и останешься незамеченным под самым носом стороннего наблюдателя. А сколько раз вы сами были этим человеком-невидимкой, когда смотрели «сквозь вас», потому что просто не ждали увидеть в данный момент, в данном месте что-либо постороннее.

Разведка на склоне пробудила во мне дремавшие до поры инстинкты воина-дорсайца, и в том, что мне предстояло сделать в этом лагере, я не видел для себя никаких трудностей. Более того, я снова ощутил себя бесплотным духом, медленно плывущим среди живых картин нахарского лагеря, способным исключительно на чувственное восприятие — посредством зрения, обоняния, слуха.

Беглого осмотра оказалось вполне достаточно, чтобы представить более чем полную картину того, что нам следовало знать об этом полке. Возраст солдат колебался где-то между двадцатью и сорока, и, если судить только по возрасту, можно было сделать ошибочный вывод, что передо мной регулярные войска. На самом деле этих людей привлекла сюда возможность носить красивую, пользующуюся авторитетом форму и при этом не сильно утруждать себя тяжелой работой. Наткнулся я на батарею из нескольких полевых орудий, настолько устарелой конструкции, что не могло быть и речи об их эффективном использовании на открытой местности Гебель-Нахара. Тяжелые орудия на крепостных стенах подавят эту артиллерию после первых выстрелов и задолго до того, как ее разряды смогут вызвать даже незначительные разрушения.

Что касается личного оружия, то тут можно было увидеть все, что угодно, начиная от лучших и самых современных энергетических и игольных ружей в руках солдат — до старых охотничьих и спортивных пулевых ружей у гражданских. Правда, арбалетов и мечей я не заметил, но если бы и увидел, то, пожалуй, не очень удивился. Но все это разномастное и разнокалиберное оружие

имело одну общую и весьма удивившую меня на фоне общего беспорядка особенность: оно было тщательно вычищенным, ухоженным, и относились к нему явно с большим уважением.

Решив, что все, представлявшее интерес, уже осмотрено, я двинулся к первому ряду строений и темнеющей за ними равнине, но путь мой преградила неожиданно вывалившаяся из пластикового улья горланящая компания.

Обходя веселящихся приятелей, гомонящей толпой заполнивших проход, я принял вправо и уже через десяток метров почувствовал: кто-то тихо крадется параллельным мне курсом. Здесь и в такое время трудно было предположить, что кто-то другой, а не гость из Гебель-Нахара может передвигаться по территории военного лагеря. А так как зона, где я оказался, граничила с зонами Мигеля, можно было рассчитывать на встречу с ним.

Через несколько метров я действительно увидел Мигеля.

— Хочу, чтобы ты кое-что посмотрел, — знаками показал он. — У себя ты уже закончил?

Я молча кивнул.

— Тогда пошли.

Он привел меня к большому пластиковому

сооружению, наверное, самому большому на территории. Обойдя его с тыла, мы остановились, и Мигель жестами показал, что нужно забраться на крышу. Имея некоторый опыт и сноровку, это не представляло особого труда. Когда мы оказались на крыше, Мигель указал на небольшое отверстие.

Я увидел шесть мужчин с нашивками полковых командиров, сидящих за столом, с которого еще не успели убрать остатки еды. Рядом в почтительном внимании застыли офицеры чинами пониже, им за столом сидеть, вероятно, не полагалось. Надувной пластик, ко всем прочим своим достоинствам, еще и замечательный звукоизолятор, а так как наблюдательная дыра находилась не прямо над столом, а на достаточно большом расстоянии, долетали до моего слуха лишь отдельные слова, и понять, о чем шел разговор, было просто невозможно.

Оставалось лишь наблюдать за жестами рук, за тем, как говорят и как реагируют друг на друга полковые командиры. Пожалуй, уже через несколько минут стало ясно, что далеко не добрые друзья собрались за общим столом. Нет, офицеры не спорили, не ругались, не размахивали руками, но в каждом искоса брошенном на соседа взгляде

чувствовался открытый вызов, а в звуках их речи электрическими искрами пробегали нотки едва сдерживаемого раздражения.

Легкий толчок в плечо заставил меня оторваться от разыгравшейся внизу сцены к настороженно оглянуться вокруг. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем глаза снова привыкли к темноте, и тогда я увидел руки Мигеля и догадался о смысле его жестов.

— Посмотри на самого молодого — слева, с черными усами. Это командир моего полка.

Взглянув вниз и увидев, о ком он говорит, я знаком показал Мигелю, что все понял.

— А теперь — обрати внимание: напротив — тучный, с седыми бачками и надутыми губами...

Я нашел его взглядом, поднял голову и снова кивнул.

— Это командир Гвардейского полка. Мой и этот опять что-то не поделили, иначе сидели бы рядом, демонстрируя всем, что все плохое между ними забыто и они снова добрые друзья. Представляешь, каково сейчас младшим командирам, кому все эти знаки давно известны? Как ты думаешь, из-за чего они сцепились?

— Не знаю. Но думаю, ты догадываешься, иначе бы меня сюда не затащил.

— Я наблюдал за ними. Они разложили карты Гебель-Нахара и долго спорили о завтрашней позиции каждого полка. Потом, кажется, договорились, но, видно, радости от этого никто не испытывает. Как бы они не вцепились завтра друг другу в глотки. Нужно рассказать Аманде, пусть попробует рассчитать ситуацию. Лучше, конечно, привести ее сюда — чтобы сама посмотрела.

Да, пожалуй, здесь не надо быть большим психологом: с первого взгляда понятно, какие страсти раздирают этих господ в офицерских мундирах.

Все интересное на крыше штабного барака мы уже увидели, поэтому ничего другого не оставалось, как, осторожно соскользнув вниз, отправиться к месту назначенной встречи.

Благополучно и без неожиданностей преодолев освещенные границы лагеря и растворясь в темноте ночкой степи, в считанные минуты добрались мы до условленного места, где встретились с Яном и Амандой. Чувствуя себя в полной безопасности, изредка поглядывая на огни лагеря, мы коротко делились наблюдениями.

— Я и капитан побывали на встрече полковых командиров... — начал Мигель.

Звук выстрела из какого-то доисторического, оружия оборвал его на полуслове; мы обернулись в сторону лагеря и увидели, как прямо на нас несется тощая фигура в белой рубашке. За ней гналась высыпавшая из палатки толпа улюлюкающих мужчин.

Человек бежал, не разбирая дороги, очевидно, с единственной целью: подальше убраться из этого лагеря. Можно было, конечно, предположить, что он увидел нас и рассчитывает на нашу помощь, хотя вряд ли беглец мог искать защиту у разодетых подобным образом чужаков. К тому же он, бегущий из света в темноту ночи, просто не должен был нас видеть.

Не сговариваясь, мы дружно рухнули на поросшую невысокой травой землю; а беглец продолжал целеустремленно нестись прямо на нас. Грохнул еще один выстрел...

Первое, о чем думаешь в ситуациях, подобных этой: «ну все, попался», — хотя шансы равны как для удачи, так и для неприятности, но почему-то всякий раз думается, что капризная фортуна отвернется от тебя, и потому начинаешь готовиться к худшему. Перед этим, в белой рубашке, лежала вся нахарская степь — беги куда хочешь, а он, словно привязанный веревкой, летел прямо в

нашу сторону. Ничего не оставалось, как продолжать прижиматься к земле. Если он ни на кого не наступит, значит, сможет проскочить, так никого и не заметив.

Он не наступил, он зацепился за Мигеля, чуть не потерял равновесие и на мгновение задержал свой бег, видно из любопытства — хотелось узнать, что послужило препятствием на голом и ровном месте. Он увидел Аманду и застыл от удивления, но через секунду уже поворачивался что-то прокричать своим преследователям...

То ли своим неожиданным открытием беглец хотел смягчить их гнев, то ли просто от растерянности забыл, что сейчас происходит, — в данный момент это не имело никакого значения. Со всей очевидностью наше присутствие собирались выдать, и в ту же секунду Аманда поступила так, как, невзирая на результат, нужно было поступить в таких обстоятельствах. Словно вырвавшаяся пружина, взвилось вверх ее тело, и одновременно два удара — один в шею, чтобы захлебнулся собственным криком, а второй — в солнечное сплетение, обрушились на нахарца, не убивая, но лишая сознания и возможности двигаться Лишь на одно мгновение оказалась Аманда между беглецом и его преследователями. Незаметной

черной тенью мелькнул ее комбинезон на фоне белой рубашки, и нахарец уже корчился на земле. Ничто не мешало нам скрыться в темноте, и никто и никогда не узнал бы о нашем здесь присутствии... но, видно, злой рок стал нам уделом.

В тишине ночи прогремел точно выверенный в новую цель выстрел, и как подкошенная Аманда рухнула вниз.

А ровно через секунду она снова была на ногах.

— Все в порядке... в порядке, — выдохнула она. — Бежим!

Сорвавшись с места, мы нырнули во мрак ночи, и только когда угроза погони перестала казаться неизбежной и уже не имело смысла до бесконечности испытывать пределы собственной выносливости, мы перешли на шаг, двигаясь к еще далекому Гебель-Нахару.

А за нашими спинами мелькали огни фонарей — это нашли беглеца, подняли с земли и теперь, без видимой цели, осматривали окрестности. Нас это уже не волновало. Погони не было, и с каждым новым шагом мы, все дальше удаляясь от лагеря, приближались к дому.

— Грязно сработано, — сказал Ян, когда затихли звуки и исчезли за спиной огни. — Хотя могло

быть и хуже. Что с тобой случилось, Аманда?

Она не ответила, но вдруг зашаталась, спотыкаясь сделала несколько неуверенных шагов и, раскинув руки, упала навзничь. В одну секунду окружили мы ее плотным кольцом.

Дыхание с тяжелым хрипом вырывалось из ее горла.

— Извините... — прошептала она. А Ян уже резал ножом плотную материю комбинезона на ее левом плече.

— Крови не много, — заявил он тоном, в котором слышались и злость, и раздражение.

Злился и я. Наверное, и ребенок бы понял, что Аманда, пытаясь бежать с раной, при которой полный покой — один из первых способов лечения, могла просто убить себя. Она скрыла, что ранена последним выстрелом, и дала всем возможность, не теряя ни секунды, беспрепятственно скрыться. Нетрудно понять мотивы ее поступка, но, какие бы благородные цели ни преследовала Аманда, так делать было нельзя.

— Корунна. — Ян уступил мне место. — Это, кажется, больше по твоей части.

Он был прав. Капитаны звездолетов обучены в критические моменты помогать бортовому доктору, а порой и заменять его. Я опустился на

колени у распростертого на земле тела Аманды и, насколько мог, тщательно осмотрел рану. При ровном, но слабом свете звезд на бледной коже темным пятном выделялось место, куда вошла пуля. Осторожно ощупав рану, я прижался к ней щекой.

— Пуля небольшого калибра, — начал я и услышал, как нетерпеливо и раздраженно задышал Ян. То, что я сейчас говорил, видно, он знал уже сам. — Попала под самую ключицу. Рана расположена высоко, и воздуха, наверное, набрать не успела. Пневмоторакс пока не грозит, но в грудной клетке полно крови. Тебе трудно дышать, Аманда? Не говори, просто кивни головой...

Она кивнула.

— Что ты чувствуешь? Слабость, голова кружится?

Она снова качнула головой, а я почувствовал, как липкий пот выступает на ее обнаженной коже.

— У нее шок, — отрывисто бросил я и снова прижался ухом к ее груди. — Шок, — повторил я. — В легкое попала кровь. Ей нельзя двигаться, ей вообще ничего нельзя делать. Нам придется нести ее.

— Я понесу, — заявил Ян. Гнев и боль душили

его, он сдерживался, но получалось это у пего через силу. — Как думаешь, сколько у нас осталось времени?

— В таком состоянии она сможет продержаться пару часов, — ответил я. — Большие сосуды не задеты, а маленькие затянутся сами. Самое неприятное, что кровь в легком, вот почему ей так трудно дышать. На губах крови нет, значит, будем надеяться, в дыхательные пути она не попала...

Я подсунул руку под ее раненое плечо — сквозного отверстия не было.

— Рана не сквозная. Если за два часа мы донесем ее до Гебель-Нахара и там в госпитале есть соответствующая аппаратура, с ней все будет в порядке. Надо только успеть добраться.

Ян наклонился, обхватил тело Аманды и, держа его на вытянутых руках, поднял.

— Голову вниз, — предупредил я.

— Ты прав, — сказал он. — Только нужно что-то подложить.

Мы с Мигелем быстро стянули свитера, соорудили из них нечто, напоминающее подушку, положили ее на другое плечо Яна и помогли осторожно переложить Аманду.

Жаль мне ее было ужасно. Даже для здорового

это было далеко не самым комфортабельным способом передвижения. А с такой раной, да еще задыхаясь...

— Попробуй сначала идти медленно, — попросил я.

— Попробую, но нам нужно спешить. Осталось три километра, никак не меньше.

Да, три километра — путь не близкий, и быстро его не пройдешь, а чем раньше Аманда окажется в госпитале, тем лучше. Постепенно ускоряя шаг, Ян двинулся вперед, а я пристроился сзади, стараясь ни на секунду не спускать глаз с ее лица.

— Как ты? — спросил Ян, слегка поворачивая голову.

Она кивнула, я вслух подтвердил, что все в порядке, и только тогда Ян перешел на легкий бег.

Мы возвращались. Аманда молчала, и ни у кого из нас тоже не было желания разговаривать. Время от времени, приближаясь вплотную к Яну, я проверял ее состояние, и, если не ошибаюсь, на всем протяжении этого бесконечного пути Аманда ни разу не потеряла сознания. А Ян как заведенный, глядя только на огни Гебель-Нахара, не сбавляя темпа, двигался вперед — стальная машина, а не человек из плоти и крови.

Как часто бывает в подобных ситуациях, когда

счет идет на секунды, ты забываешь о времени. В конце пути все мы — думаю, и Аманда тоже — перестали его ощущать. Оно казалось нам бесконечным, словно застыло, и лишь у люка, ведущего в секретный туннель, мы очнулись, вышли из окутывающего нас безвременья.

Когда Аманду внесли в госпитальный блок, была она очень плоха, почти без сознания. Хотя что тут говорить, иначе и быть не могло. Попробуйте поносить здорового человека вниз головой минут тридцать, и вы сами убедитесь, что хорошего самочувствия эта процедура никому не добавит. На счастье, госпиталь оказался оснащенным всем необходимым; а главное, системой дренирования с вакуумным насосом. Оставалось лишь ввести дренажную трубку между поврежденным легким и грудной клеткой, но это, вспоминая нашу горькую судьбу и отвернувшуюся удачу, я передоверил механическим манипуляторам — устройству более точному и менее подверженному ошибкам, чем человеческие руки, пусть даже самые умелые. Затем оставалось наладить систему переливания крови, что даже для такого полуобученного специалиста, как я, не представляло особого труда.

Наконец все было закончено, и я, исполненный

сознанием выполненного долга, мог оставить ее в покое.

Кейси и Ян ждали меня в служебном корпусе. Не перебивая, они молча выслушали отчет о моих хирургических опытах и соображения о видах на ближайшее будущее.

— Думаю, ей придется пролежать несколько дней, — вынес приговор Ян, стоило мне закончить.

— Не меньше.

— Нужно подумать, как перевезти ее отсюда в нормальный госпиталь, — сказал Кейси.

— Как? — пожал плечами я. — Уже почти рассвело. Нахарцы станут атаковать любой транспорт из Гебель-Нахара — воздушный, наземный... какой угодно. Не думаю, что из этой затеи что-нибудь получится.

Кейси мрачно кивнул головой.

— Если штурм будет на рассвете, — заметил Ян, — им пора начинать.

Он направился к окну, мы с Кейси последовали за ним. Серо-голубое тяжелое небо нависло над темной, безлюдной, словно, выложенной из камня, равниной. На горизонте светились далекие огни лагеря. Даже невооруженным глазом было видно, как он застыл в тяжелой неподвижности.

Полки не двигались, не начали даже выстраиваться в походный порядок.

— После ночного загула они могут так простоять до самого полудня, — сказал я.

— Не думаю, что так долго, — рассеянно, видно думая о своем, произнес Ян. — Но отсрочку мы все-таки получим. Ты пойдешь сейчас к Аманде?

— Время от времени ее обязательно нужно навещать, — ответил я. — Сейчас пойду, но между визитами я — в вашем полном-распоряжении.

— Вот и ладно. Когда освободишься, загляни к Мигелю; возможно, ему потребуется помощь. Мне кажется, у них в команде не все в порядке, и Мигель нервничает.

Кивнув в ответ, я вышел. Аманда спала. Стараясь не делать резких движений, я попятился к двери, но она проснулась, открыла глаза и узнала меня.

— Корунна, — едва слышно прозвучал слабый голос, — как я?

— Ты молодец. — Я наклонился к ней. — Все, что тебе нужно, это покой и сон, и ты скоро поправишься.

— Как дела? — спросила она. — Уже день?

Госпиталь размещался во внутренних комнатах и не имел окон.

— Рассветает. Но ничего не происходит. Не думай об этом, ты должка отдыхать.

— Но я вам нужна.

— Очень нужна, но без трубки между ребрами. Закрой глаза и спи.

Голова ее беспокойно метнулась на подушке.

— Лучше бы они убили меня.

Я коснулся ее лба.

— Успокойся. Мне все говорили, что ты разумный человек, и кому, как не тебе, знать, что если оказался на больничной койке, то надо гнать от себя дурные мысли.

Она хотела ответить, но зашлась в приступе мучительного кашля, а потом некоторое время молчала, ждала, наверное, когда уляжется боль. Не то что кашель, даже глубокий вздох заставлял конец дренажной трубки свободно двигаться, а значит, причинять боль. Тут уж ничего не поделаешь, и я видел, как она дышит — часто и осторожно, привыкая.

— Нет, — сказала она. — Я не из тех, кто ищет смерти. Но то, что происходит, — это безнадежно. Нет... нет у нас выхода. Мы хотели спасти Гебель-Нахар, а теперь... а теперь и у нас нет выхода.

— Кейси и Ян найдут выход, они могут.

— Они не могут, потому что его нет.

— Хорошо, тогда чем можешь помочь ты?

— Я должна была помочь.

— Должна, хотела... но можешь ли сейчас?

Она дышала, часто и неглубоко захватывая воздух открытым ртом, а потом бессильно откинула голову на подушку.

— Тогда не думай. Выброси все из головы. Я не оставлю тебя одну. Я буду приходить. Ты просто жди меня, и все будет хорошо.

— Как я могу ждать? — шептала Аманда. — Я боюсь себя. Я боюсь, что покончу со всем, сделаю то, что хочу сделать больше всего, и... и погублю всех.

— Ты не сделаешь этого.

— Я могу.

— Ты измучена. Истерзана болью. Перестань изводить себя. Через час, самое большее через два, я вернусь. А сейчас немедленно спать!

Я вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой двери.

Быстрыми шагами мерил я пустынные коридоры, направляясь к казарме музыкантской команды Третьего полка. Дневальный занимал свое обычное место в приемной, и Мигель был на месте. Стоя у письменного стола, он что-то внимательно изучал на испещренном цифрами

листе бумаги.

— Капитан! — воскликнул он, стоило мне отворить двери.

— Я присматриваю за Амандой, — начал я объяснять причину своего появления, — а Ян попросил, как освобожусь, узнать, не нужна ли тебе помощь.

— Я всегда рад вашей помощи, сэр. — Едва заметная улыбка коснулась губ Мигеля. — Не хочешь составить компанию прогуляться к складам? Мне надо проверить снаряжение, а по дороге можно поговорить.

— Ничего не имею против.

Мы вышли из кабинета и уже по другим коридорам зашагали к складским помещениям крепости.

Как выяснилось, интересовало Мигеля не само снаряжение, а его автоматическая доставка по сигналу с пульта дистанционного управления. Если же из-за повреждения сигнал не поступал, то доставка производилась через определенные и равные промежутки времени; следовательно, каждый сектор и уровень Гебель-Нахара был обеспечен всем необходимым. С такой тщательно продуманной системой я, пожалуй, столкнулся впервые.

— Видишь, как предусмотрительны были наши ранчеры, когда строили эту крепость, — говорил Мигель, проверяя автоматику и осматривая уже заполненные всем необходимым и готовые по первому сигналу отправиться в заранее определенное место контейнеры.

Яркий свет мощных светильников, отражаясь от бетонных стен, вероятно из практических соображений выкрашенных ровной белой краской, порождал странное, двойственное ощущение ослепительного света и одновременно давящего сверху, обступающего мрака и уныния. И состояние это подчеркивал и усиливал совершенно неподвижный, словно застывший воздух этих коридоров и залов. Вентиляция здесь, как, впрочем, и в остальных секторах Гебель-Нахара, работала исправно, но в огромных залах с их высокими потолками, что представляли собой складские помещения, движения воздуха совершенно не чувствовалось, как будто не было вовсе.

— Впечатляет, — сказал я, оглядываясь. Мигель кивнул:

— Если и существует крепость, которую может эффективно защищать малая горстка людей, — она перед нами. Только никто не знал, что защитников будет еще меньше... Расчет шел на

сотню семей со слугами и приближенными. Но даже мы дорого им обойдемся...

Мигель работал, а я украдкой разглядывал его лицо. Да, исчезли сомнения. С тех пор как он встретил нас с Амандой в космопорте Нахар-Сити, прошло лишь несколько дней, но каким усталым, осунувшимся, даже постаревшим выглядел он. Ему всего лишь двадцать, а значит, это не тяжелая работа и не обрушившиеся на нас испытания так надломили Мигеля. Было здесь еще что-то...

Он закончил проверку последней транспортировочной стойки, закрыл крышку последнего контейнера и повернулся ко мне.

— Ян говорит — у тебя серьезные сомнения в том, что музыканты выдержат первую атаку, — начал я.

Губы его сжались, превратились в тонкую нить, и некоторое время он просто молчал.

— Да, — наконец ответил он. Помолчал и добавил:

— Нельзя их ни в чем обвинять. Солдатом нужно родиться. Настоящим солдатам место в боевых взводах, а не в полковом оркестре. Сюда приходят не за наградами и подвигами, а ради собственной безопасности. — И вдруг он улыбнулся:

— Конечно, для таких, как я, — место идеаль-

ное.

— Но с другой стороны, — возразил я, — они здесь, с нами. Они остались.

— Остались, — повторил Мигель, тяжело опустился на деревянный ящик и жестом пригласил занять место рядом. — Остались, потому что кроме нескольких дней непривычной работы это им ничего не стоило. А платой за все стали острые ощущения. Страсти, чувственный надрыв, драма — вот ради чего живут и готовы жертвовать жизнью нахарцы. Чем больше страстей, тем лучше... Когда мы летели из Нахар-Сити, я говорил тебе об этом.

— Ты думаешь, в решительный момент они нас бросят?

— Не знаю. — Снова потухли краски на его лице. — Знаю только то, что ни в чем не смогу их упрекнуть. Если они уйдут, я буду первый, кто не сможет назвать их трусами.

— В тебе говорят твои собственные убеждения.

— Может быть, и это тоже. Нельзя судить об одном человеке, глядя на другого. Слишком мало мы знаем, чтобы сделать истинное сравнение.

— Это верно, — вздохнул я. — Но если солдаты откажутся сражаться, мотивы их решения — и я в этом убежден — будут отличаться от тех, что

руководят тобой, когда ты отказываешься брать в руки оружие.

Он медленно покачал головой.

— Может быть, я не прав, кругом не прав. — Горечь этих слов больно кольнула меня. — Но я не смогу выйти отсюда. Я знаю одно — я боюсь.

— Боишься? Боишься боя?

— Я бы хотел просто бояться боя и смерти. — Он коротко рассмеялся. — Нет, я боюсь, что у меня не хватит воли не сражаться. В самый последний момент могут проснуться старые мечты, вернется то, чему меня учили, и я пойму, что убиваю — хотя это бессмысленно и нахарцы все равно возьмут Гебель-Нахар.

— Думаю, ты сражался бы не ради Гебель-Нахара, — медленно произнес я. — Тобою руководил естественный для человека инстинкт самосохранения и желание помочь... спасти тех, кто рядом.

— Да. — Он судорожно, так что затрепетали ноздри, втянул воздух. — Вас, оставшихся здесь. Против этого я бессилен, слишком глубоко это во мне. Я могу остаться здесь и спокойно ждать, когда они придут убивать меня. Но не могу, зная... что они убивают других... убивают уже раненую Аманду.

Я молчал, да и что можно было сказать, созна-

вая злую иронию судьбы. Оба — Мигель и Аманда — боялись, что разум окажется бессилен и они поступят так, как не должны были поступать.

Возвращались мы молча. Дневальный, как только увидел меня, сообщил, что меня разыскивает Ян Грим и просит немедленно с ним связаться.

Я набрал номер, и на экране возникло лицо Яна, как всегда бесстрастное.

— Нахарцы все еще не вышли из лагеря, — сказал он. — Они действуют настолько непрофессионально, что я начинаю думать: может быть, стоит рискнуть и хотя бы Падму переправить в безопасное место. Посадить в одноместный флайер и отправить в Нахар-Сити. Если машину перехватят и обнаружат в ней лишь одного экзота, есть надежда, что его благополучно отпустят.

— Здравая мысль, — согласился я.

— Я хочу, чтобы ты попробовал уговорить его. По каким-то, ему одному понятным соображениям Падма хочет непременно остаться. Если удастся убедить его в том, что, находясь здесь, он несоизмеримо увеличивает и так непомерный груз нашей ответственности, он наверняка согласится с этим. Я бы мог просто приказать ему уехать, но, к сожалению, он понимает — это не

в моей власти.

— А почему ты решил, что именно я смогу уговорить его уехать?

— Ты офицер. Старший офицер и должностное лицо, мнением которого он не должен пренебрегать. У нас с Кейси нет ни одной свободной минуты на разговоры с ним, а из тех, кто остался — Аманда прикована к постели, Мигель же, в данном случае, будет не самым нашим удачным выбором.

— Хорошо, я попробую. Где его можно найти?

— Наверное, у себя, где же еще. Мигель объяснит, как пройти.

Дорогу я нашел без особого труда, да и как оказалось, комнаты экзота располагались недалеко от моих. Постучав и получив разрешение войти, я застал его сидящим за письменным столом, что-то быстро наговаривающим в диктофон, который, стоило мне переступить порог гостиной, он тут же отставил в сторону.

— Вы заняты? Наверное, мне лучше зайти чуть позже?

— Нет, нет. — Падма отодвинулся от стола и распрямился. — Садись. Вот, решил подготовить отчет для того, кто займет мое место.

— Если вы уедете отсюда, вас не нужно будет

никому менять, — сказал я. Далеко не дипломатичное начало, но Падма, вольно или невольно, первый коснулся этой темы, а времени на долгие предисловия оставалось слишком мало.

— Ах, вот в чем дело! Это личная инициатива или идея Гримов?

— Это просьба Яна. Нахарцы со штурмом не спешат. Или они не понимают, что значит военная операция, или в лагере царит такой беспорядок, что у вас есть все шансы благополучно и в относительной безопасности добраться до Нахар-Сити. Если вас и остановят, то экзоту, конечно...

Ироничная улыбка Падмы оборвала мою речь на полуслове.

— Хорошо, хорошо, — снова начал я после некоторого замешательства. — Чувствую, вы считаете меня излишне наивным, но тогда объясните, почему вас не выпустят? Экзоты не солдаты и оружие в руки не берут.

— Мы не солдаты, — снова улыбнулся Падма, — но, как убежден Уильям, а следовательно, и все те, кому он платит, мы — гнусные интриганы, и если в мире творится зло, то корни этого зла нужно искать среди экзотов. Сейчас для нахарцев мы если не заклятые враги, то, по крайней мере, дьяволы в человечьем обличье. А в революцион-

ном порыве они будут даже рады пристрелить меня на месте.

Растерянно смотрел я в улыбающееся лицо Падмы.

— Если вы все это уже знали, то почему не уехали, когда еще можно было уехать?

— У меня, между прочим, тоже есть кое-какие обязанности... И первая из них — передача информации на Мару и Культис. Да и по характеру я немного авантюрист. — Улыбка Падмы сделалась еще шире. — По собственной воле я никуда отсюда не уеду. У нас могут быть разные причины остаться, но объединяет нас одно — слишком много для нас всех значит Гебель-Нахар.

Я покачал головой:

— У вас веские аргументы, но извините, мне трудно в это поверить.

— А почему?

— Простите, но я действительно не могу предположить, что вас могут удерживать здесь те же обстоятельства, что, допустим, и меня.

— Не одинаковые, но равнозначные. Тот факт, что другие люди не могут сравниться с дорсайцами в их специфической сфере деятельности, вовсе не означает, что для людей не существует подобных обязательств. Законы жизни одинаково

руководят всеми. Только вот у каждой личности это проявляется по-разному.

— И с одинаковыми результатами?

— Со сравнимыми результатами. Ты не мог бы присесть? Я все время смотрю снизу вверх, и у меня ужасно затекла шея, — спокойно попросил Падма.

И я сел напротив.

— Вот, пожалуйста, пример, — начал он. — У вас, дорсайцев, свои специфические представления об этике и морали, и здесь ты и твои друзья нашли то, что подогревает ваше врожденное, внутреннее стремление к поступкам, оправданным высокой целью. Нахарцы получили иное воспитание, но у них есть та же потребность в великом, и существуют собственные представления о leto de muerte. Так станете ли вы — дорсайцы — утверждать, что, если ваши моральные принципы различаются, значит, нахарцы не обладают истинным героизмом и истинной верностью?

— Нет, не стану. Но людям моего мира, по крайней мере, можно доверять. Мы предсказуемы в своих словах и поступках. А можно ли подобное утверждать, говоря о нахарцах?

— Нет. Но я бы посоветовал подумать об опасности штампов, бытующих в нашем сознании.

На дорсайца всегда можно положиться; экзот не приемлет насилия над человеческой личностью; солдаты Квакерских Миров — люди, фанатично преданные своей религии и своей вере. И тогда получается, что преданность и верность слову есть исключительное качество, присущее только дорсайцам, а среди тех, кто носит голубые одежды экзота, не существует личностей, способных причинить зло, зато в Квакерских Мирах нет таких, чья вера слаба и ничем не примечательна. Все мы — люди, и ничто человеческое нам не чуждо, даже пороки. Чтобы мыслить непредвзято, нужно прежде всего понять, какие страсти и устремления движут всем человечеством, а потом пытаться найти их отражения в отдельной личности — не исключая и нахарцев.

— Стоит вам заговорить об этом народе, и мне кажется, что я слышу голос Мигеля, — сказал я и, поднимаясь с места, добавил:

— Пожалуй, для меня будет лучше сейчас откланяться, не то вы уговорите выйти к нахарцам и сдаться еще до того, как они начнут наступление.

Падма рассмеялся, и мы расстались.

Подошло время навестить Аманду, и я поспешил в госпиталь. Аманда спала крепко, очевидно,

ей удалось справиться с мучившими ее сомнениями и включить тот внутренний механизм самовнушения и контроля, которым дорсайцы учатся управлять с самого рождения. Если это действительно так, то следующие двадцать четыре часа с небольшими перерывами она проведет во сне — что будет лучшим для нее лекарством. Если нахарцам за это время не удастся взять внешние укрепления и прорваться в крепость, ее выздоровление можно будет не ставить под сомнение. Ну а если прорвутся...

Слишком долго пробыл я в закрытых залах и глухих коридорах Гебель-Нахара — а солнце, оказывается, стояло уже так высоко. Выйдя на первую террасу, я увидел его, а также ясное голубое небо, ощутил легкий ветерок и был поражен неумолимым бегом времени. А когда пришел в себя, на дальнем краю террасы заметил Яна и Кейси, сосредоточенно изучающих через окуляры видеокамер лагерь противника.

Мигель тоже был на террасе. Я направился к нему, и, наверное, заслышав шаги, он оторвался от видеоэкрана и выпрямился.

— Они выступили, — произнес он, обращаясь ко мне. Ярким пятном светился прямоугольник экрана в темном обрамлении брони защитного

козырька. Мигель не мог ошибиться. Выстроенные в боевой порядок, с мерно покачивающимся в такт размеренного шага оружием, полки двигались в нашу сторону.

Утренний ветер перебирал бархат полковых и батальонных знамен, яркими пятнами расцвечивая людской строй. В центре вышагивал Гвардейский полк, а на правом фланге маршировал полк Мигеля — Третий полк нахарской армии. На обоих флангах, позади основного строя, я заметил темные бесформенные пятна — это шли добровольцы и революционеры.

— Минут через тридцать — сорок они будут здесь, — заметил Мигель.

Я видел перед собой измученного, на последнем пределе сил человека, словно побывавшего под ножом мясника, который срезал со своей жертвы всю плоть, обнажив комок пульсирующих нервов. Оружия у него я не заметил, вооружены были лишь Ян и Кейси, а за нашими спинами, молчаливо устремив вверх короткие стволы, стояли в пирамидах готовые к бою конусные ружья.

— А где твои люди, Мигель?

Застывшим взглядом он смотрел на меня.

— Они ушли.

— Ушли?

— Да, ушли... сбежали, дезертировали, если тебе больше нравится это слово.

— Они перешли...

— Нет, нет! — Он оборвал меня, не дав договорить, словно недосказанное могло причинить ему невыносимую физическую боль. — Они не ушли к врагу. Они решили спасти свои жизни. Я говорил — и ты помнишь — такое могло произойти. Ты не можешь обвинять их. Они ведь не дорсайцы, а оставаться здесь — значит приговорить себя к смерти.

— Если Гебель-Нахар падет.

— А ты еще сомневаешься?

— Теперь, когда мы остались одни, будет еще тяжелее. Но я верю, пока руки смогут сжимать оружие, надежда не оставит нас. Когда в Баунпор ворвались фрайляндцы, я видел, как теряющие сознание мужчины и женщины стреляли с госпитальных коек.

Мне не следовало говорить это. Я увидел, как мутной пеленой подернулись его глаза, и понял, что слова о трагедии Баунпора Мигель принял лично на свой счет, словно я укорял его, безоружного, примером тех, кто не сдался, кто до последнего вздоха защищал свой город. Порой в моей жизни случаются такие моменты, когда

шрамы становятся проклятием, а не благодарением.

— Извини, что заговорил об этом. Я не хотел обидеть тебя.

— Это не ты — я сам себя обвиняю, — глухо произнес он, не отрывая взгляда от неумолимо надвигающегося, изогнутого полумесяцем строя. — Я знаю, что теперь нас ждет. И еще я понимаю, почему ушел мой оркестр.

Что тут можно было сказать? Без его сорока музыкантов нам не выдержать первой атаки. Когда мятежники как саранча поползут на стены, их будет слишком много, а нас — слишком мало.

— Наверное, прячутся где-нибудь недалеко, под стенами. — Капельмейстер продолжал думать о своем, уже несуществующем оркестре. — Если мы продержимся день или даже два, есть маленькая надежда, что они вернутся и...

Он не закончил фразы — что-то привлекло его внимание за моей спиной. Я резко повернулся и увидел Аманду.

До сих пор не могу понять, как ей это удалось. Она покинула палату, не забыв прихватить с собой дренажный аппарат. Да, он действительно предназначался для ходячих больных, был переносным, не тяжелым, размером с толстую

книгу. Но каково передвигаться с ним, когда конец резиновой трубки, если сделать хотя бы один глубокий вздох, нещадно впивался в ее легкое.

В спускающейся до пят, разорванной посередине, — чтобы не путалась при ходьбе, больничной сорочке, с оружием на одном плече и болтающимся на длинном ремне дренажным аппаратом на другом, бледная, как сама смерть, готовая в любую минуту потерять сознание, она все же доползла до террасы.

— Какого... Что ты тут делаешь!? — просто зарычал я. — Марш отсюда! Марш в постель!

— Корунна. — Она ответила мне таким гневно-уничижительным взглядом, какого я, пожалуй, не удостаивался ни разу в жизни. — Изволь не командовать старшими по званию.

Я вытаращил глаза. Да, меня просили доставить эту важную особу, а значит, в каком-то смысле я должен был исполнять ее приказания, но считать меня — капитана боевой эскадрильи, старшего офицера, да еще в ситуации подобной этой, младшим по званию... это было выше моих сил. Набрав в легкие побольше воздуха, я уже приготовился сказать ей все, что о ней думаю, но вместо этого... разразился громким хохотом. В более нелепой ситуации я давно не находился. Против пятерых,

если считать Мигеля, движется шеститысячная армия, а я собираюсь с больной женщиной выяснять, кто из пас старше по званию!

Но если отставить в сторону досужие рассуждения и взглянуть в лицо фактам, то Аманда продолжала стоять на террасе, и тут я ничего поделать не мог. Хотя мы оба понимали, что сейчас произойдет, все равно не было оправдания ее решению подняться с постели.

— Когда тебя еще раз ранят, молись, чтобы твоим доктором оказался кто-то другой, — грозно пообещал я. — Зачем ты здесь, что ты можешь делать?

— Я могу быть вместе со всеми, — отрезала она.

Что же, против таких аргументов не поспоришь, тем более что краем глаза я уже видел приближающихся к нам Кейси и Яна и решил предоставить им право принимать решение.

А братья молча оглядели ее с головы до ног и отвернулись к равнине. И мне ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Строй нахарских полков неумолимо приближался к нам. Еще неразличимы отдельные фигуры — это просто темная линия с отдельными цветными вкраплениями, подсвеченная искрами

отраженного света, но с каждой минутой линия эта, превращаясь в полосу, становилась все более различимой.

А пятеро дорсайцев застыли рядом, словно вслушивались в тяжелую поступь надвигающейся судьбы. Как часто в этой жизни — и недавний эпизод с Амандой тому подтверждение — меня захлестывало внезапное, пронзительное чувство нереальности происходящего. Кто решил, что целая армия должна наступать на ничтожную горстку, а ничтожная горстка не просто дожидается, когда ее поглотит эта черная сила, но обязана готовиться к противоборству? Но вот ощущение бессмысленности происходящего отступило. Нахарцы будут продолжать наступать, потому что они ненавидят Гебель-Нахар. А когда они придут сюда, мы будем защищать Гебель-Нахар, потому что мы призваны защищать даже самое безнадежное дело — так распорядилась нами судьба. В другом месте и при других обстоятельствах и для нас, и для них все могло быть иначе, но здесь и сейчас ни у кого не было другого выбора.

Это было последнее, о чем я думал, мысленно переступая черту, за которой меня ждала битва. И, как всегда, мир и покой воцарился в моей душе. Пусть наступит то, что должно наступить,

и я встречу это с гордо поднятой головой. И еще я знал, что рядом стоят Кейси, Ян, Мигель и Аманда и испытывают точно такие же чувства, как и я. Ничем в моей жизни я не дорожил так, как этим чувством единства, и знал, что тот, кто хоть один раз испытает подобное, не забудет уже никогда... до самой смерти. Что бы ни ждало нас, что бы ни случилось — мы вместе. А для тех, кто вместе, не страшно даже самое невероятное превосходство враждебных сил.

Послышался легкий шорох шагов по бетонным плитам террасы. Это ушел Мигель. Я взглянул на товарищей и по выражению их лиц понял, что и они знают, почему он ушел. Он отправился за оружием. А мы — оставшиеся не могли отвести глаз от приближающегося строя. Уже были различимы отдельные фигуры, а уши наши улавливали размеренную поступь тысяч ног, обутых в тяжелые солдатские сапоги.

Мы подошли к парапету террасы, облокотились на него и молча смотрели на равнину. Настало время насладиться солнцем, ветром, нежарким утром. Еще несколько сотен метров — и наступающие войдут в зону наиболее эффективного радиуса действия наших орудий, а мы, естественно, станем досягаемыми для их полевых...

За спиной послышался шорох и скрип открываемой двери. Я повернулся, ожидая увидеть Мигеля. Но это был Эль Конде, одной рукой опирающийся на Падму, а другой — на трость с серебряным набалдашником. Падма помог ему добраться до парапета, и Конде, не обращая ни на кого внимания, долго смотрел на когда-то свою армию. Наконец он повернулся и на испанском объявил:

— Господа, мадам, я пришел разделить с вами судьбу.

— Это честь для нас, — тоже по-испански ответил Ян. — Может быть, Его Превосходительство захочет присесть?

— Спасибо, нет. Я буду стоять. Вы можете вернуться к своим обязанностям.

Старик облокотился на трость, устремил сбой взор на равнину и уже больше не поворачивался. А когда мы отступили назад, тихо заговорил Падма:

— Он очень хотел спуститься вниз, а рядом никого не было, кто бы мог помочь ему.

— Все хорошо, — сказал Кейси. — А что думаете делать вы?

— Я бы тоже хотел остаться.

Резкое гортанное восклицание вырвалось из

горла Эль Конде, и, вскинув головы, все посмотрели в его сторону. Прямой, как древко старинного копья, с перекошенным от ярости и презрения лицом, он все так же неотрывно смотрел на равнину.

— Что это? — спросила Аманда.

В замешательстве я ловил на себе недоумевающие взгляды товарищей. Но вот слабый звук достиг моих ушей. Полки подошли уже так близко, что мы слышали обрывки мелодии, приносимой свежим утренним ветром. Едва различимые звуки, но я, как и Конде, узнал их.

— Они играют «Te guelo». Это значит: «пощады не жди».

«Te guelo» — скромное обещание перерезать горло всем, кто стоит на твоем пути.

Брови Аманды заметно поползли вверх.

— Наверное, думают, что люди Мигеля еще здесь, и хотят лишить их остатков мужества. А может быть, они играют ее, так как ее всегда исполняют перед боем, — попытался объяснить я.

Некоторое время все вслушивались в доносившиеся звуки «Te guelo» — мелодии, от которой пробирает дрожь, но вряд ли она могла смутить душу уже принявшего решение сражаться дорсайца.

— А где Мигель? — спросила Аманда. Я оглянулся, потому что вопрос действительно имел смысл. Если Мигель ушел за оружием, давно прошло то время, когда он мог возвратиться. Но его не было рядом.

— Не знаю, — ответил я.

— Начали разворачивать полевые орудия, — раздался голос Кейси, — но дистанция все равно слишком велика, чтобы причинить вред этим стенам.

— Пожалуй, пора и нам переходить в укрытия, — заговорил Ян, — и ждать, когда они подойдут поближе, тогда мы откроем ответный огонь. — Обращаясь к Эль Конде, он добавил:

— Может быть, Его Превосходительство спустится вниз?

Эль Конде яростно затряс головой.

— Я останусь здесь, — объявил он.

Ян согласно кивнул и посмотрел на Падму.

— Да, да, разумеется, — отозвался экзот. — Я пойду с вами... Или, может быть, я смогу быть полезен в чем-то ином?

— Нет, — сказал Ян, и в этот момент громкие вопли солдат, перекрывающие пронзительные звуки музыки, заставили всех резко повернуться.

Ровная линия строя сломалась, и, подбадривая друг друга неистовыми криками, солдаты перешли на бег. Наверное, не более ста метров отделяло их сейчас от подножия склона Гебель-Нахара. Было ли заранее принято решение атаковать именно с этой позиции, или кто-то, не выдержав размеренного шага, увлекся и раньше времени сломал строй — уже не имело никакого значения. Штурм начался.

А уже через мгновение те из нас, кто хоть немного понимал в военном деле, могли слегка перевести дух, так как поспешные действия атакующих, хоть и ненадолго, но все-таки не позволяли начать немедленный обстрел крепости. Стоит артиллеристам открыть огонь — и первыми жертвами станут их собственные товарищи. Маленькая улыбка фортуны, слепой случай, который может изменить весь ход боя, но достаточно было взглянуть на накатывающуюся лавину, и тогда становилось предельно ясно — здесь уже ничего и никогда не изменить. Конец битвы уже предрешен в самом ее начале.

— Смотрите! — достигло наших ушей восклицание Аманды. Мы услышали его, потому что так же внезапно, как и начались, оборвались крики атакующих.

Аманда стояла у парапета и вытянутой рукой указывала на что-то впереди и внизу. Одного шага оказалось достаточно, чтобы увидеть закрытый стеной склон и то, что привлекло внимание Аманды.

Первая линия атакующих замедлила свой наступательный порыв и, пытаясь остановиться, отчаянно боролась с продолжающей движение вперед людской массой второй волны. Строй уже не продвигался вперед, а кое-где просто застыл в немом оцепенении.

Случилось то, что меньше всего могли ожидать участники и свидетели происходящих событий. Медленно поехала вверх ведущая в тайный ход Эль Конде крышка люка. Мощное секретное оружие — вот что это могло означать и, без сомнения, именно столь неожиданный поворот событий, посеяв панику в рядах нахарских вояк, заставил сменить атакующий порыв на беспомощное топтание на месте. До страшной крышки оставалось не более трехсот метров. Сзади, отрезав путь к отступлению, напирала ничего не подозревающая плотная людская масса, и потому не составляло труда понять, о чем думала первая линия: капкан захлопнулся, и сейчас все они станут легкой добычей того неведомого чудовища, которое вы-

тянет из разверзнувшейся земли свой страшный, изрыгающий огонь хобот.

Напрасно покрылись холодным потом нахарские воины. Не было, конечно, никакого секретного оружия. Вместо страшного чудовища появилась над поверхностью земли сначала каскетка с воткнутой и наклоненной, как копье, наперевес дирижерской палочкой... а потом и сам ее обладатель, Мигель де Сандовал.

Как всегда, безоружный, но в полной парадной форме военного дирижера, с gaita gallega в руках, мундштук зажат в зубах, и басовая труба покоится на плече. Он сделал первый шаг, еще несколько шагов, вот он уже бесстрашно движется вперед.

Мертвая тишина накрыла равнину, и потому тем яростнее оборвали ее, лишь стоило Мигелю начать играть, первые, пронзительные, похожие на рев, звуки волынки. Они достигли стены, за которой стояли защитники Гебель-Нахара, и так же мощно обрушились на строй нападавших. Мигель играл Su Madre.

Ровной, как на параде, поступью, ни на секунду не отпуская свой инструмент, шел Мигель, и, опережая его, вызовом, брошенным в лицо врагу, летели звуки музыки. Безоружный шел навстречу шести тысячам.

Камера, рядом с которой я оказался в эту минуту, захватывала лишь спину Мигеля, и только изредка мелькал на ее экране профиль моего друга. Умиротворенным, погруженным в музыку было его лицо. Нервное напряжение на грани надлома физических и духовных сил, кажется, перестало терзать его. И он шел вперед, размеренно и спокойно, так, словно только музыка волновала его, только о ней он думал; и трубные звуки Su Madre, отвечая искусству музыканта, злой насмешкой хлестали по лицам нахарцев.

Я прикоснулся к ручкам настройки, и теперь увеличенное и многократно усиленное изображение этих лиц заполнило весь экран. Объектив камеры медленно поплыл вдоль застывшего, словно парализованного строя, одну за другой выхватывая замершие фигуры. Не шевелясь, в полном безмолвии стояли люди и смотрели, как шел к ним навстречу, ничего не замечая, словно намереваясь пройти сквозь строй, капельмейстер Третьего полка.

Не могло такое длиться долго — еще мгновение, и они очнутся от мучительного оцепенения, вызванного нереальностью происходящего. Я увидел, как заволновались солдаты. Мигель сейчас находился посередине — между ними и

стенами Гебель-Нахара, и звуки его волынки, по-прежнему громко и отчетливо, раздавались в тишине равнины, но к ним стал примешиваться пока тонкий, тягучий, но с каждой секундой набирающий силу, разрастающийся вопль-рев невидимого гигантского зверя.

Я смотрел на экран. Вперед строй еще не двигался, но уже не чувствовалось в нем прежней растерянности, не было застывших в немом оцепенении человеческих фигур. В самом центре вытянутого полумесяца вздымали кулаки, потрясали оружием, что-то кричали солдаты Пятого Гвардейского — того самого, что непримиримо враждовал с полком Мигеля. На таком расстоянии я не слышал, а камера не могла помочь понять, что они кричат, но смысл этих криков был предельно ясен. Вызовом на вызов, оскорблением на оскорбление отвечали они.

С каждой новой минутой все неистовей становилась бурлящая человеческая масса. Но солдаты видели, что бросивший им вызов безумец безоружен, и именно это пока сдерживало их. Они еще только угрожали, но даже с такого расстояния я видел отчетливые признаки подступающей, темной волной захлестывающей их разум ярости. Было ясно, что еще немного — и кто-нибудь

в ослеплении вскинет оружие.

Я хотел крикнуть Мигелю, чтобы он уходил, возвращался к выпустившему его туннелю. Своим безрассудно-смелым поступком он сделал больше, чем мог. Он сорвал штурм, он поверг в смятение целую армию. Однажды остановленная, эта армия уже вряд ли снова сможет двинуться вперед. Совершенно очевидно, что людей, испытавших такой вызов, такую эмоциональную встряску, командиры обязаны отвести назад, перестроить и только после этого предпринимать новую попытку штурма. Мы же на несколько часов обретем драгоценную передышку. А может, только утром следующего дня выстроятся полки для новой атаки. Вдруг за это время раздирающие их противоречия или меняющийся, как в калейдоскопе, ход событий изменит к лучшему наше бедственное положение? Сейчас Мигель еще сжимал в своем кулаке волю этих людей, своей отвагой лишая их способности к действию. Если сейчас повернуться к ним спиной, то, пока они опомнятся, он еще сможет целым и невредимым добраться до туннеля.

Но как заставить его вернуться, я не знал, а он сам не выказывал намерений показать оскорбленному, бушующему закипающей яростью

врагу свою спину. Напротив, продолжая свою уверенную поступь, раздувая меха волынки, насмехаясь, оскорбляя каждой нотой своей музыки, он бросал вызов этим бесчисленным смельчакам, вышедшим против одного — безоружного.

Они еще по инерции выкрикивали ругательства, трясли в воздухе своим оружием, но то, что происходило сейчас на экране, заставило больно защемить сердце. На фланге Третьего полка солдаты криками и жестами показывали Мигелю немедленно возвращаться, а чуть правее одетые в гражданское платье люди, наверное, добровольцы и революционеры, вскидывали свое оружие и, чтобы лучше прицелиться, становились на одно колено.

Солдаты Третьего полка пинками заталкивали революционеров обратно, выхватывали из горящих жаждой убийства рук уже нацеленное оружие. То там, то здесь вспыхивали яростные схватки, но пока солдаты одерживали верх. Сейчас Третий толк разрывался между необходимостью выполнить приказ и продолжить штурм Гебель-Нахара, а с другой стороны, защитить своего бывшего капельмейстера в его порыве безрассудной отваги. Я видел, как трое солдат с трудом удерживали фанатика с безумным ли-

цом и успокаивали пламенного революционера, крепко прижав к земле.

Лихорадочно вращая ручки настройки, я перевел объектив видеокамеры на противоположный фланг — и здесь происходило нечто подобное. Бурлящие за спинами одетых в военную форму добровольцы пытались силой оружия остановить ровную поступь Мигеля. Солдаты пытались помешать революционерам свести счеты с безоружным, но то ли желающих расправиться с Мигелем было слишком много, то ли солдаты не очень старались, но в действиях их явно недоставало решимости.

Я видел нацеленные в грудь Мигеля древние охотничьи ружья; звуков выстрелов не было слышно, но поднимающиеся кверху легкие и, казалось, такие безобидные дымки, означали, что призрак смерти витает над головой Мигеля.

Поспешно, дрожащими пальцами изменив настройку видеокамеры, я вывел на экран его изображение. Несколько коротких мгновений, словно еще продолжая оставаться под защитой невидимого энергетического поля, он продолжал двигаться вперед, но вот споткнулся, зашатался, кренясь к земле, сделал еще несколько неуверенных шагов и... упал.

На короткое время давящая тишина накрыла равнину — словно разом взметнулись вверх тысячи невидимых рук и, не давая вырваться крикам радости или стонам мучительной боли, зажали ладонями рты. Я поднял визир камеры от распростертого на земле тела и увидел военных и одетых в гражданское платье. Не двигаясь, они смотрели на поверженного героя, словно не веря, что все-таки остановили его.

Первыми молчаливое оцепенение сбросили стрелявшие в Мигеля революционеры. Вздымая вверх оружие, широко разевая в криках торжества рты, они пустились в пляс, празднуя великую победу. И вдруг словно порыв могучего урагана накрыл ряды нахарской армии; смешался строй, исчезли фланги. Это солдаты Третьего полка ринулись на противоположный фланг с одной целью — вцепиться в глотки, рассчитаться с веселящимися революционерами; а Гвардейский полк, разворачиваясь по всему фронту, встал на их защиту. Свалка разрасталась, включая в свой водоворот все новых и новых действующих лиц. Еще мгновение — и то, что всего пять минут назад было организованным военным строем, превратилось в неистовую бурлящую толпу, охваченную единственным желанием: убивать

любого, кто окажется на расстоянии вытянутой руки.

Аманда, закрыв лицо руками, отвернулась, зашаталась, я едва успел подхватить ее, и она безвольно обвисла в моих руках.

— Кажется, я должна лечь, — беззвучно прошептали ее губы.

И я повел ее в госпитальный сектор, где ждала Аманду брошенная больничная койка. Ян, Кейси и Падма последовали за нами, и только Эль Конде, тяжело опираясь на серебряную трость, продолжал неотрывно следить за происходящим на равнине. По застывшему лицу время от времени пробегала судорога победного торжества — ястреб над растерзанным телом своей жертвы.

Битва стала затихать, когда сумерки опустились над равниной. А когда совсем стемнело, зазвучали робкие звонки вызывного устройства главных ворот — это поодиночке, один за другим, проскальзывали в Гебель-Нахар музыканты полкового оркестра Мигеля де Сандовала. С их возвращением я и братья Гримы могли больше не вести наблюдение за равниной, как поочередно делали до этого. Но только после полуночи, не опасаясь более за судьбу крепости, мы решились покинуть ее стены — забрать тело Мигеля.

Аманда Морган настояла на том, чтобы идти вместе со всеми. Причин отказать ей у нас не нашлось, а вот аргументов в ее пользу оказалось достаточно. Дренаж и восемь часов сна совершили чудо, и здоровью ее более ничего не угрожало. И еще — именно она предложила похоронить Мигеля в земле Дорсая.

Стоимость перелета между мирами была такова, что очень немногие могли позволить себе подобные путешествия, и потому в очень редких случаях тела наших товарищей, погибших на других планетах, хоронили в родной земле. Героический поступок Мигеля решил многое, и Аманда считала, что Дорсай обязан отдать ему последние почести; а в нашем маленьком курьере хватало места и для этого скорбного груза.

Падма и Эль Конде предполагали, что после неудавшейся попытки переворота вряд ли в скором будущем идея революции снова завладеет умами нахарцев. Тщательно продуманная, далеко идущая комбинация Уильяма сорвалась, и теперь у Яна и Кейси появилось право выбора: или оставаться и продолжать исполнение контракта, или — на законном основании — разорвать его.

Глубокая ночь опустилась на равнины Нахара.

Расставив на внешних террасах музыкантов нести караульную службу, мы спустились в секретный туннель.

— Эль Конде придется строить для себя новый потайной ход, — усмехнулся Кейси, когда над нашими головами вспыхнуло звездами ночное небо. — Этот, пожалуй, стал национальным памятником.

Легкий ночной ветер, обдувая лица, нес с собой запахи степных трав. Слишком мало времени прошло, чтобы запах тлена и смерти воцарился над полем битвы. Покой, тишина и порядок опустились на эту землю.

Мы дошли до места, где упал Мигель, но тела его не нашли. Ян включил карманный фонарь и, присев на корточки, вдвоем с Кейси стал искать следы. Нам с Амандой оставалось лишь ждать. Братья были настоящими полевыми командирами, и я мог потратить часы на то, что они определяли с одного взгляда.

Через несколько минут они поднялись на ноги, и Ян выключил свой фонарь.

— Он лежал здесь, это совершенно точно, — сказал Кейси. — Такое впечатление, что целая толпа побывала здесь. Думаю, будет нетрудно отыскать, куда они отправились.

Взрыхленная подошвами ног земля, сломанный кустарник — вот следы, которые оставили те, кто унес тело Мигеля, и мы медленно шли по этим следам, таким отчетливым и свежим, что даже я мог без труда читать их в блеклом сиянии мерцающих звезд.

Они все дальше уводили нас от Гебель-Нахара, туда, где когда-то стоял центр армии, где началось свирепое побоище. И чем дальше уходили мы, тем чаще стали попадаться трупы.

Следы оборвались, и на месте, где утром стоял Гвардейский полк, мы нашли Мигеля. Он лежал на вершине холма, что темной, бесформенной при свете звезд массой возвышался на ровной, без конца и края равнине. И только когда Ян снова включил фонарь, мы поняли его истинный смысл и значение. Холм этот, высотой в метр и метра два в основании создала не природа из земли и камня.

Человеческие руки смешали в беспорядочную груду одежду, пояса, позументы... Лежало здесь и оружие, такое древнее, что, наверное, как реликвия передавалось из поколения в поколение. А еще драгоценности: кольца, перстни, цепочки... даже сапоги и туфли.

Но основным материалом рукотворного хол-

ма стала одежда: форменные куртки, рубашки, вперемешку с рукавами и воротничками, хранящими знаки отличия, сознательно оторванными их прежними хозяевами от воинских мундиров.

На вершине холма, с лицом, обращенным к звездам, лежал Мигель. После того что я видел на стене космопорта в Нахар-Сити, мне не требовалось объяснений смысла и предназначения сего скорбного монумента. Мигель не сжимал в руках окровавленного меча — gaita gallega покоилась на его груди, а под ним было leto de muerte — настоящее leto de muerte, ложе Героя, созданное из самого дорогого, что принадлежало тем, кто сегодня убивал и защищал его.

В скорбном молчании застыли мы и, склонив головы, долго стояли так, пока не заговорил Кейси:

— Ты все еще хочешь забрать его домой, Аманда?

— Нет. — Слово, как слабый вздох, сорвалось с ее губ. — Нет, здесь теперь его дом.

Мы вернулись в Гебель-Нахар, оставив мертвое тело Мигеля лежать окруженным почетным караулом других мертвых тел.

На рассвете у ворот крепости стали собираться вчерашние мятежники. Они просили вновь при-

нять их на службу и были удивительно покорны и даже угодливы.

А уже на следующий день мы с Амандой попрощались с крепостью — нас ждал Дорсай. Кейси и Ян оставались, чтобы выполнить до конца условия контракта, и, судя по всему, это решение не должно было вызвать какие-либо проблемы.

Падма тоже покидал Гебель-Нахар, и снова мы, вместе с провожающими нас братьями Гримами, собрались в космопорте — у стены с картиной leto de muerte.

— Теперь я, кажется, понимаю, — сказала Аманда после мгновений тишины. Она слегка коснулась стоящих по обе стороны от нее Кейси и Яна. — Мы скоро вернемся, — предупредила она, уводя их за собой.

Я остался с Падмой.

— Понимает? — немного удивленно повторил я. — Что понимает, идею leto de muerte?

— Думаю, не это, — тихо ответил мне Падма. — Думаю, понимает, ради чего жил и что хотел от этой жизни Мигель... А главное, что эта жизнь значит для нее, значит для всех, включая и нас с тобой.

Я почувствовал, как холод пробежал по моей спине.

— Для меня?

— И для тебя тоже, потому что треснул созданный тобой самим панцирь скорби от горькой утраты, в который ты заковал свою душу. Сейчас в ней поселился Мигель, и теперь душа твоя сможет снова стать открытой людям.

— Неужели вы так думаете? — произнес я и, не желая услышать ответа, поспешно сменил тему:

— Мне нужно идти, готовить корабль. Пойдемте со мной.

Падма покачал головой:

— Нет, пожалуй, я должен сказать вам всем до свидания. Много неотложных дел накопилось за это время, пора вспомнить и о них. Поэтому я говорю слова прощания, а ты передай их своим товарищам.

— Тогда до свидания, — кивнул я. Как и в первый день нашей встречи, он не подал мне руки, но, как и тогда, пьянящая волна тепла и света захлестнула меня, и, наверное, с этого мига я стал понимать, что он действительно был прав и в мыслях, и в словах своих. Мигель тому причина или он сам, или Аманда, или все что произошло, но кажется, действительно треснула та раковина, в которой находился я после гибели Элизы.

— Наверное, где-нибудь снова столкнет нас

судьба, — сказал я.

— Для таких непосед, как мы, это вполне возможно, — улыбнулся он.

А потом на прощание еще раз подарил мне улыбку, повернулся и скрылся в толпе.

А я прошел в отдел безопасности, предъявил свои документы и, получив разрешение, зашагал по взлетной полосе к своему «курьеру».

На комплексную предполетную подготовку ушло не более тридцати минут — эти специально спроектированные корабли обладают довольно мощной системой диагностики. Мои товарищи тем временем как в воду канули, и я было собрался отправляться на поиски, как хлопнула крышка входного люка и появилась Аманда.

— А где Кейси и Ян?

— Экстренный вызов. В Гебель-Нахаре, без предупреждения, собрался совет губернаторов. Господа жаждут объяснений. Гримы передают тебе приветы.

— Спасибо. Прими от меня наилучшие пожелания от Падмы для тебя и всех остальных.

Устраиваясь в кресле второго пилота, Аманда рассмеялась:

— Придется написать Яну и Кейси, чтобы они засвидетельствовали мое почтение Падме... Старт

скоро?

— Как только получим добро. Ты люк задраила?

Она кивнула, и тогда я потянулся к кнопкам пульта, связался с диспетчерской и запросил свою очередь на старт, после чего, не отвлекаясь на разговоры, перешел на режим подготовки корабля к взлету.

Через тридцать пять минут мы начали подъем, а еще через десять благополучно вышли на планетарную орбиту. Несколько обязательных витков вокруг планеты, и пора начинать первый фазовый сдвиг. Теперь, когда руки и голова свободны, можно было поговорить с соседкой.

Погруженная в собственные мысли, застыла Аманда, вглядываясь в мерцающие точки ближайших звезд на экране навигационного радара. Я смотрел на нее и второй раз за этот день думал, что Падма действительно прав. В ту ночь, когда она говорила о Яне, я не понимал ее. А сейчас, наверное, впервые осознал, что рядом со мной сидит обычная женщина со своими горестями, проблемами и радостями.

Наверное, она почувствовала мой взгляд, потому что оборвала свою интимную беседу со звездами и повернулась ко мне:

— Что-то хочешь спросить?

— Нет... а скорее всего, да. Я не совсем понял: что ты имела в виду, у картины в космопорте, когда сказала, что теперь понимаешь.

— Не разобрался? — Лишь на короткое мгновение вскинула она на меня взгляд и тут же снова стала смотреть на звезды. — Я хотела сказать, что теперь понимаю, чем жил и что нес в своем сердце Мигель.

— Падма говорит, теперь тебе понятно, что это значит для тебя и всех нас.

Ответила она не сразу:

— Ты, наверное, опять думаешь о нашем треугольнике — обо мне, Кейси и Яне...

— Это не важно... мои мысли...

— Да, сейчас это не важно. А впрочем, я тебе уже все рассказала в ту ночь. Все будет хорошо. Контракт закончится, и Ян полетит на Землю за Лией. Они поженятся, и Лия станет хозяйкой Форали.

— А что будет с Кейси?

— С Кейси? — Горькая улыбка скользнула по ее губам. — Кейси... Он выберет свой путь.

— А ты?

— А у меня будет своя жизнь. — Она посмотрела на меня так, как совсем недавно у картины смот-

рел Падма. — Вот это я и имела в виду. В конце концов, что бы ни происходило, нужно оставаться самим собой и делать то, что ты должен делать. И тогда все будет получаться. Мигель понял эту простую истину.

— И это стоило ему жизни.

— Нет, — поспешно возразила она. — Он ничего не потерял и ничего не разрушил. Мигель хотел только лишь оправдать предназначение дорсайца и никогда не брать в руки оружие. Казалось, что первое исключает второе, а он был верен обеим целям. И он всего добился. Безоружный, но оставаясь дорсайцем, он вышел один против целой армии и остановил ее.

Я не мог отвести от Аманды взгляда.

— Он шел своим путем и всем своим существованием оправдал жизненное предназначение. И потому я тоже пойду своим путем. И Ян, и Кейси...

Не закончив фразы, она замолчала, но я понял недосказанное.

— Дай мне время. — Слова эти вырвались с неожиданной для меня самого поспешностью. — Слишком мало времени прошло с тех пор, как она умерла. Дай мне время, и может быть... может быть, даже я...